

18+

Штормило!

Море
волнующих
историй

Елена Чиркова

Елена Чиркова

**Штормило! Море
волнующих историй**

«Издательские решения»

Чиркова Е.

Штормило! Море волнующих историй / Е. Чиркова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600068-1

«Штормило!» — это название первого одноимённого рассказа в книге. Он о работниках рыбоперерабатывающего комбината, замурованного в российской глубинке, которые отродясь не видали моря. #«А море — ваших рук дело! — в преддверии Нового года на общем собрании провозгласил начальник консервного цеха по отчеству Карлович. — Наряжайтесь всякими рыбами, медузами, морской капустой и гребите на праздник!» #Вскоре рукотворное море штормило.

ISBN 978-5-00-600068-1

© Чиркова Е.
© Издательские решения

Содержание

Штормило!	6
Втроём	11
Виновата кастрюля!	34
Крутые кепи	40
Тетерев	45
Сутки в раю	53
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Штормило! Море волнующих историй

Елена Чиркова

© Елена Чиркова, 2023

ISBN 978-5-0060-0068-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Штормило! Рассказ

– Ну, есть тут у меня одна швея-портниха на примете. Серёжей зовут.

Подружка Ксюха всегда развивает тему телефонного разговора, как будто нехотя, не торопясь, вразвалочку.

Пока не психанёт.

– Серёжей? – насторожилась я.

– Серёжей, – что-то громко жуя в трубку, подтвердила Ксюха. – Ну чё... брать будешь?

– Так у меня выбора вроде нет... Выходит, возьму, – согласилась я неуверенно, потому что до сей поры меня обшивали только пожилые усердные тётушки, у которых под конец уходящего года оказалось дел невпроворот... Впервые отдаться мужчине было волнительно.

– Ну, тогда пиши номер! – скороговоркой, раздражённо, с набитым ртом повелела мне Ксюха. – Некогда мне тут с тобой сюсюкаться!

По ускоренному темпу речи подруги я поняла: ей неприятна мысль о том, что у нас будет общий портной.

– Нет, Ксюш... если ты не хочешь отдавать Серёжу – не отдавай... Хотя, чё переживать-то так? У нас всё равно фигуры разные. Да нас хоть в одинаковое одень, мы всё равно не похожи!

– Конечно! Я ведь толстая! – понесло Ксюху.

– Ксюш... Я не возьму Серёжу. Ты мне дороже.

– Да ладно... бери... Сама же с ним намаешься, – подозрительно намекнула на неожиданные обстоятельства Ксюха и продиктовала номер.

* * *

– Господа, товарищи! Наша новогодняя вечеринка выпала на четверг... поэтому тема маскарада – рыбный день!

За неделю до разговора с Ксюхой в актовом зале рыбоперерабатывающего консервного комбината, где я работаю, торжественно объявил с трибуны наш начальник Иван Карлович, плешивый, плюгавенький мужичок в изрядно поношенном классическом коричневом костюме, и двумя руками поправил галстук.

– Карлуша галстук правит! Сейчас от хохота животик надорвёшь, – локтем пихнул меня сослуживец Мошкин.

С этим сослуживцем я с утра до вечера бок о бок сижу в отделе рекламы и продаю оптовикам консервы.

Карлович – тоже на виду. Он давно «как облупленный».

Поэтому не только Мошкин, но и все комбинатовцы знают, что если начальник правит галстук – он шутит.

Как правило, неудачно.

Несмотря на несмешные Карлушины потуги, многие стараются хотя бы улыбнуться, потому что Иван – человек душевный, и жалко его обижать.

По залу прокатился смешок.

* * *

– Так вот! – вдохновлённый реакцией слушателей, продолжал Карлович. – Предлагаю празднование Нового года провести в родной нам стихии, на море!

Работники рыбного комбината наострили уши. Рядом с нашим комбинатом моря никогда в помине не было.

И большинство комбинатовцев моря отродясь не видали.

У тугодумов ёкнуло сердце: неужто теперь увидят?

Кто посообразительней – сразу понял, что Карлович снова шутит. Тем более вон, галстук опять тербит.

– Предлагаю наш комбинат на один день переименовать в Морское Царство! – провозгласил-таки Иван.

– А вот это уже не смешно! – с места выкрикнул Мошкин. – И даже обидно! Обмолвились про море – гоните море!

– А море – ваших рук дело! – решил начальник. – Наряжайтесь на праздник всякими рыбами, медузами, морской капустой и приходите на праздник.

– У капусты ног нет, – не унимался Мошкин.

– Тогда прикатись.

– Морская капуста не круглая, чтобы катиться, – опять «лез в бутылку» Мошкин.

– Значит, скачи, пльиви, ползи, а на празднике будь! – начал сердиться начальник.

– Не... ползти я с праздника буду, – нагло намекнул на нехорошие последствия мероприятия раззадоренный Мошкин. – А на вечеринку я, пожалуй, и правда прискачу. На коне! На морском! В седле с селёдкой «под шубой»!

На том и порешили.

* * *

Через неделю мне предлагалось явиться на корпоративную вечеринку в костюме, видимо, рыбы.

Пока то да сё, через пять дней я позвонила Ксюхе.

Ксюха пообещала мне Серёжу.

У нас с портным остались сутки «с хвостиком».

– Слушай, ты Серёгу у себя в квартире на замок запри. А сама ко мне спать приходи, – почему-то шёпотом сообщила мне по телефону Ксюха в тот самый момент, когда у меня в коридоре призывно заулюлюкал домофон, предвещающий приход Серёжи.

– Зачем? – с трубкой у уха застыла я.

– Иначе «плакало» твоё платье!

– А кто его обидит? – несмотря на домофонную истерику, докапывалась я.

– Это тебя Серж обидит!.. Не сошьёт он тебе платье за сутки! – всё пуще распаялась подруга.

– Так он же обещал.

– Обещанного три года ждут!

– Он пьёт?

– Да не пьющий он! Просто творческий... Кутюрье!.. Сядет шить и уснёт... Ты ему через сутки позвонишь, а он тебе: «Я не золотая рыбка, чтоб по щелчку желанья исполнять».

Я кинулась отворять дверь творческому Серёже.

* * *

На пороге стоял очаровательный молодой человек.

Очень невысокого роста, зато стильно одетый и с доброжелательным выражением лица.

Это вам не Мошкин, который хоть и «положил на меня глаз» давным-давно, а всё равно с моего стола бумажные платочки тырит, когда простывает и сопливит.

А я позволяю.

Опасаясь, что он сморкаться прямо в рукав своего «седого» от поросли катышей свитера станет.

А я этого не хочу.

Поэтому не забываю покупать платки.

– Я Серёжа, – представился гость. – Очень рад познакомиться.

И кутюрье поцеловал мне руку.

Изящность Серёжиных манер затмила мой разум.

Я кинулась сволакивать с него элегантную верхнюю одежду. Не знаю, как она называется... Ну, не курткой же такую модную вещь обозвать!

* * *

– Так что мы шьём? – обмерив меня пристальным взглядом, спросил Серёжа.

– Рыбу, – чувствуя, как от смущения по шее поползли багровые пятна, выпалила я.

– Не понял? – приподнял красивую бровь Серёжа.

– Ну, или медузу... Конька можно. Морского... Капусту, опять же.

– У вас карнавал, что ли? – предположил мой догадливый собеседник.

– Типа того... Морское царство... Рыбный день.

– Хм-м-м, – подложив кулак под подбородок, изучающе глянул на меня и по-сократовски сморщил лоб озадаченный мастер.

Он обошёл вокруг меня.

– Нарекаю тебя Русалочкой! – вытянув руку вперёд, провозгласил портной. И вдохновенно сверкнул очами.

* * *

Не успела я насладиться мощным эффектом Серёгиных слов, вновь раздался телефонный звонок.

– Ты сделала, что я сказала? – с наездом требовала отчёта Ксюха.

Я зажала трубку рукой и шмыгнула в спальню. Хорошо, что Серёга уже что-то рисовал в своём блокноте.

– Что надо было делать? Запереть Серёгу в квартире? – шёпотом орала я на Ксюху.

– Да! – ответно орала Ксюха на меня. – Только сначала его выгуляй. Сходи с ним в магазин, купи, что нужно... И под замок его. Иначе – пожалеешь!

– Как я ему об этом скажу?

– Прямо!

– Он согласится?

– Он тоже кушать хочет!

– А кормить-то его чем?

– Ой, ну я тебя умоляю... У тебя чё, консервы закончились?

* * *

– Серёжа, а оставайся на ночь у меня! – пылко воскликнула я. – У меня, но без меня, конечно!

– Не понял, – беспокойно глянув на дверь, признался портной, – зачем мне оставаться?

– Для уединения. Для погружения в пучину творчества. Вынырнешь обратно – глядь, а платье-то готово! Как сшил, сам не заметил!

– Из чего-шить-то? Из крапивы? Так я не ваша сестрица, а вы не заколдованный принц, – к месту вспомнив сказку про диких лебедей, остроумно возразил мне Серж, – ткани-то нет.

– Так и машинки швейной нет, и ниток нет, и мела, – жарко поддакнула я. – Серёженька, всё будет! Соглашайся!

Не дожидаясь ответа, я набрала номер такси.

«Сергей, диктуй домашний адрес», – велела я портному. А тот, заглотив-таки наживку, попался мне на удочку, назвав улицу и номер дома.

* * *

Я вернулась домой спустя сутки.

В квартире от сигаретного дыма «топор висел».

Запах курева отчаянно бился за власть с тошнотворных душком вчера, видимо, вскрытых консервированных сардин в томате.

Серёга сидел на стуле, закинув ноги в уличной обуви на кухонный стол, и красными от напряжения и бессонницы глазами, ничуть не смущаясь, в упор смотрел на меня.

– А вот и я пришла... Серёже денежек принесла, – чувствуя себя ещё и виноватой, пропела я.

– Кормилица ты моя! – оживился Серёга. И, спустив-таки ноги на пол, расторопно нырнул в мою спальную комнату.

– Примерь, – с видом фокусника, по велению которого вот-вот должно случиться чудо, протянул мне обнову Серж.

Я надела платье.

Из зеркала, как из голубоватой водной глади, на меня смотрела Русалка.

Платье из тонкого синего кружева плотно облегалo фигуру, оголяя плечи и грудь, узкий подол ворохом лёгких оборок перерастал в русалочий хвост.

– Серё-ж-а-а-а, да где же ты раньше-то был?! – зачаровано вглядываясь в зеркало, отможено взывала я. – Да если б у меня такое платье раньше было! Да разве ж я рыбные консервы оптовикам продавала? Да я б сиганула напрямиком к синему морю! Разбежалась бы с обрыва и в морскую пучину – плюх! Эх, Серёжа, Серёжа...

* * *

Карлуша меня не узнал. Ну, или просто с переполоху имя забыл. Пригласил на танец. Неуверенно топтался рядом, положив мне руки на русалочью талию, что-то мямлил. Морской царицей назвал.

– А вы почему не по теме одеты? – спросила я Карловича, расслабленно двигаясь с ним под советскую классику, под песню Антонова «Море, море...».

– Так я ж того... на собрании про рыбный день... пошутил, – признался затейник и, сняв руку с моей талии, потерял свой поношенный галстук, затем препроводил к столу...

Карлуша не сразу узнал меня.

А я не сразу узнала Мошкина.

Да и как его было узнать без свитера в катышах?

Пират Мошкин был чертовски хорош собой.

– Никак у Джонни Деппа костюмчик «отжал»? – открыв рот от удивления, разглядывала я потрёпанную треуголку, белую атласную рубаху и красный широкий пояс морского разбойника.

– Не отжимал я ничего у Джонни... а вот у тебя платочки тырю... Простишь? – повинился передо мною пират и пластанул ножом цыплячью тушку. – Я больше на них не посягну. Я теперь ромом лечиться буду!

– Ничего, ничего... Бери платочки, не стесняйся, – заверила я пирата. – Взамен расскажи, где сундук мертвецов с золотом прячешь.

* * *

А потом нашу палубу качало.

Я, сидя за столом, смотрела на пирата Мошкина, который на танцполе прискакивал и вихлялся в кругу слегка «поддавших» матёрых акул, и думала: «А он не так уж и плох! Если лечить его вовремя... Не-е-е, не ромом... Любовью... Только любовью».

Я продралась сквозь толпу пьяненьких тётушек.

Пристроилась к Мошкину.

Вильнула русалочьим хвостом.

Мошкин удивился, а потом, переорав громкую музыку, протрубил мне в ухо: «Сейчас свяжу тебя тугими верёвками, уволоку на пиратский корабль, отчалим от берега, будешь жить со мной на необитаемом острове».

«Вяжи», – протянула я руки Мошкину.

* * *

– Ну чё, Русалка, хвост вчера не потеряла? – Ксюха привычно что-то жевала в трубку.

– Голову потеряла, – устало, но довольно ответила я.

– Штормило?

– На все девять баллов...

Потом я позвонила Серёже.

– Ты можешь приодеть одного Пирата? – спросила я.

– На вечеринке на хвост поймала?

– Точно... знатный улов случился, кормилец!

– Что шить будем?

– Что-нибудь не пиратское... Человеческое... Как по-вашему, по-модному, куртка твоя называется?

– Парка?

– Ага. Её!

Втроём Рассказ

Мне нужно было простить себя за предательство.

Пока не получалось. Так я попал в то место. Мне нужно было где-то срочно поселиться. И я суматошно искал очередное временное пристанище.

Сносное и совсем дешёвое.

«Вот то, что вам надо, – по-русски сказала мне круглолицая риелторша-казашка, которую, как и меня, ветер странствий замёл на этот остров, – комплекс старый, дома пошарпаны, но территория ухожена. Садик внутри... Да и море рядом... Зайдём, посмотрим?»

Я молча осмотрелся.

Вид комплекса снаружи произвёл на меня гнетущее впечатление. Вереница старых двухэтажных домов с телами, при рождении наделёнными белой известковой кожей, но теперь испещрённая витиеватыми изгибами замшелых трещин, закольцовывала общее пространство, выпятив наружу входы в подъезды.

– А других вариантов нет? – спросил я у риелторши, тотчас поняв, что в этом месте говорить мне надо сильно громче, чем я это обычно делаю, потому что голос тонул в грохоте проходящих мимо машин. С подъездной стороны, как грешник, терпеливо несущий свой крест, подвывала, ахала и дребезжала автомобильная дорога.

«Ну, вы же просили самое дешёвое!» – фыркнула моя спутница.

Я молча кивнул, и мы вошли в подъезд.

– Где здесь жить? – оглядывая белые «больничные» стены, тесно меня обступившие, раздражённо «наехал» я на риелторшу.

– Ну как? – тоном обиженного человека буркнула та. – Вот вам гостиная с выходом на балкон... с балкона море видно.

Девушка толкнула стеклянную дверь.

Солнце уже садилось.

В котле из крон вековых усталых эвкалиптов, как черничное варенье, сладко кипело и пенилось море.

Я облизнул пересохшие губы.

* * *

– Да, и спальня тут приличная, – торопилась сделать своё дело казашка, выходя с балкона, – вот, сами посмотрите.

– Нормальная спальня... Спальня как спальня, – согласился я, заглянув в комнатушку, которая была добросовестно оснащена арендодателем чёрной железной кроватью, – только уж очень душно.

– А вы окно откройте, – следуя за мной по пятам, посоветовала мне провожатая.

– Да, пожалуй, – согласился я и двинул в сторону створку раздвижного окна.

С улицы, как из шкафа, под завязку набитого разным хламьём и внезапно открытого, на меня обрушилась лавина грохота, скрежета и пыли.

– Душегубка, блин, – выругался я и задвинул окно обратно.

– Привыкнете, – твёрдо заверила меня девушка.

– Думаете, привыкну?

– Ещё как!.. Конечно привыкнете... Ну, что? По рукам?

– По рукам.

* * *

Вечером у продуктового магазина я натырил и составил в пирамиду несколько разнокалиберных картонных коробок, чтобы восполнить недостачу шифоньера, комода и книжного шкафа в своём жилище.

Распаковал сумки.

Застелил свежим бельём кровать, потом порезал хлеб, сыр и колбасу. Налил полстакана красного вина и, держа в одной руке выпивку, в другой – бутерброды, с удовольствием плюхнулся на продавленный рыжий диван.

Голод утолился быстро.

Но я нуждался ещё и в пище духовной, поэтому, открыв электронную книгу, прилёг на диван.

Там, словно в вазочке, похожие на надкушенные конфеты, хранились книги, лишь на несколько страничек приоткрытые. Я всегда так «пробую на вкус» незнакомые мне тексты.

Сначала «надкусываю».

Потом читаю.

Сегодня мне хотелось приторно-сладкого. Но стоило мне едва прикоснуться к лакомству, как я тут же ощутил сытую усталость.

Опустив книгу в картонную коробку из-под пачек с макаронами «Мутлу» (в переводе с местного – «счастье»), взятую у супермаркета, я закрыл глаза.

И мне уже казалось, что шум с дороги – вовсе не шум.

А колыбельная ночного моря.

* * *

Меня зовут Марина.

Мне двадцать шесть.

Внешность моя слишком обыкновенна, чтобы подробно её описывать. Подтверждение тому – частые возгласы знакомых, примерно такие:

– О! Чугункова, я недавно видела девушку, вылитая ты! Я чуть было не кинулась ей навстречу... Потом гляжу, вроде не ты.

– А... так это моя сестра-близнец! – как от назойливой мухи, отмахиваясь я от очередного приписанного мне сходства. – Нас все путают!

Впрочем, был в моей жизни ещё такой случай, который вкратце обо мне расскажет.

Как-то раз я оступилась на лестнице и вывихнула ногу. Пришлось ехать на приём к «дорогому» доктору с хвалебными рекомендациями.

– Балерина? – неожиданно спросил меня он, острыми пальцами впиваясь в большую мышцу.

– Я? Нет! Что вы? Конечно нет, – не без сожаления отреклась я от образа, по ошибке мне приписанного. – Я лыжница... Бывшая.

– А... я смотрю, ты жилистая, – пояснил своё предположение доктор. И в первый раз за приём взглянул мне в лицо утомлёнными, в красных змейках лопнувших прожилков, умными глазами.

Потом врач выписал мне рецепт.

И я, одетая в чёрную обтягивающую водолазку, у гардеробного зеркала закрутила свой хвост в пучок на затылке, напялила тяжёлый дутый пуховик и с нафантазированной гордостью самой собой покинула больницу.

Я шла, прихрамывая и представляя себя балериной, подстреленной театром в ногу.

* * *

Близился Новый год.

На календаре торопливо частил декабрь.

Я пришла в редакцию газеты, в которой тогда работала журналисткой.

– Вот, Чугункова, это тарелка, – фотограф Вова, возникший внезапно, нахлобучил на мой рабочий стол чистый лист бумаги форматом А4, – пусть полежит пока... Я тортик тебе оставил... Ты жди, я сейчас...

Не успела я спросить Владимира о том, по какому случаю банкет, как взамен мелькавшей между редакционных столов взлохмаченной светловолосой головы уходящего фотографа выплыла на первый план широкобёдрая, давно уже зрелая женщина, корректорша Вера.

– У Вовки день рождения сегодня, – Вера приподняла белёсую бровь, – не знала?

– Откуда? – оправдывалась я. – Месяц всего в редакции работаю... Эх, хорошо бы подарок купить.

– А ты купи, купи, – Вера протянула мне мой текст, ею поправленный. – Тортик – это ведь прелюдия к пиршеству... Вовка обычно такой ужин закатывает, что пальчики оближешь! Он уже приволок из дома кастрюли. В прошлом году голубчиками нас угощал, салатиками всякими.

Вера сглотнула слюну.

* * *

Весь начавшийся декабрь Вера сидела на диете.

Она, притаскивая на работу лотки с тёртой морковкой и ещё чем-то овощным и пресным, плакалась на свою судьбу всем подряд.

– Жена? – удивлённо вскинулась я.

– Чья жена? – не поняла Вера, очарованная воспоминаниями о голубцах.

– Ну, Вовкина жена... Это она голубцы с салатиками готовит?

– Да какая там у Вовки нашего жена! – сморщила носик Вера. – Нету у Вовки никакой жены... Родила ему уродика и исчезла.

– Уродика?

– Уродика.

– И исчезла?

– Исчезла.

– Куда?

– Ну, я не знаю... вообще никто не знает.

Верина неосведомлённость ввела меня в ещё большее недоумение. Корректорша знала всё. И я уж было открыла рот, чтоб тем не менее прояснить ситуацию.

Но осеклась.

– Т-с-с-с!... – увидев, как на горизонте замаячила Вовкина голова, настороженно зашипела я.

– Ну, я пошла... А ты ошибки-то исправь, – снисходительно глянула на меня сверху вниз образцово грамотная корректорша и, плавно качнув бедром, учуявшим приближение мужчины, удалилась прочь.

А Вовка аккуратно серебряной лодкой-ложечкой выложил из нарядной коробки мне на бумажную «тарелку» форматом А4 последний кусочек вишнёвого чизкейка.

Вовкин деньрожденный ужин я так и не отведала.

Да и подарок ему не купила.

Вместо этого я поехала собирать материал для очередной статьи, хоть написание её не требовало срочности.

«А Вовка о тебе вчера спрашивал», – сообщила мне на следующий день корректорша Вера.

«Я не могла остаться, – без тени сожаления соврала я. – Дела, дела...»

* * *

– Марина, зайди ко мне, – редактор газеты Филина курила в форточку, стоя на подъездной лестнице, когда я поднималась наверх, – дело есть.

– Хорошо, зайду, – намеренно пустив в голос струю напыщенного энтузиазма, ответила я начальнице.

Под руководством Филиной я проработала всего месяц. И мне нужно было упрочить своё место в журналистском коллективе, поэтому приходилось хорохориться, демонстрировать рабочую прыть... Хотя думать в эту минуту хотелось о другом.

Я с тоской глянула в окно, которое полузаслонила редакторша.

Там, сквозь гусиным пиром изящно писаную изморозь, разноцветными огнями мерцала городская ёлка.

* * *

– Марина, а езжай-ка ты в галерею. Там местные художники выставку сегодня открывают, – Филина, похожая на развязного очкастого юношу, теперь сидела за столом своего рабочего кабинета, как всегда, в расслабленной позе.

Одним плечом она касалась спинки кожаного кресла, вторым висела в воздухе, явно преодолевая желание (это слишком угадывалось) закинуть ногу на ногу. Потёртые джинсы, к редакторскому счастью, не сковывали движений.

Сковывали правила поведения, написанные для безупречно вышколенных девочек.

– Сейчас нужно ехать? – уточнила я.

– Нет, сейчас беги в поликлинику на медицинский осмотр. Он обязательный, ежегодный, в целях профилактики... А потом – в галерею.

– Ага, – кивнула я и развернулась, готовая сорваться.

– Чугункова!

– А?

– Фотографа не забудь! – Филина взглянула на ручные часы с крупным круглым циферблатом, покрывающим её запястье, и закинула-таки ногу на ногу. – Вовку в галерею возьми.

* * *

Я проснулся от навязчивого звука, не сразу поняв, где нахожусь.

А ещё этот писк, жалобный, но настырный.

Приподнявшись на локтях, шуря ещё не привыкшие к свету глаза, я пробовал осмотреться, чтобы вернуть себя в действительность.

«А... квартира...», – сообразил-таки я, углядев на полу картонную коробку из-под макарон «Мутлу», в которой заночевала моя электронная книга.

Я слегка успокоился... Но вопль!

Он продолжал пытать моё сердце, и без того сбитое с толку внезапным пробуждением и скакавшее теперь вприпрыжку.

Я вылез из кровати. Босиком прошлёпал к балконной двери.

В её стеклянный проём частил дождь.
Сквозь белёсую смуту воды застиранным зелёным пятном мне являлись полупризраки-полудеревья.
Я открыл дверь.

* * *

Господи Иисусе!
Выходцы из ада существуют!
То был котёнок с разинутой в полувопле, в полушипении алой пастью.
Он как будто осатанел, поняв, что дверь перед ним распахнулась, и ринулся напролом с намерением зубами выгрызть из меня добычу: еду и тепло.
Его чёрная мокрая торчащая клочьями шерсть, круглая большая морда с алчным оскалом и глаза обезумевшего звериного детёныша делали его похожим на маленькую гиену.
Вот только хвост!
Хвост у котёнка не был поджат, как это делают падальщики.
Хвост стоял торчком.
И он был бледно-розовым!
Кожаным!
Голым!
«Да у тебя лишай!» – уворачиваясь от котёнка, который норвил потереться о мои ноги головой, ужаснулся я.
Мощным пинком отшвырнув пришельца в сторону, я выскочил в подъезд.
Тот мгновенно оправился от боли и бросился за мной.
Но я его обхитрил.
Выманив его из квартиры, я изловчился и, занырнув обратно, хлопнул дверью прямо перед носом у обманутого гиенёныша, открывшего в жалобном «мяу» зубастый рот.

* * *

Отвязавшись от лишайного котёнка, я принялся «сдирать с себя кожу». Тёр ноги моющим средством для посуды «Фейри», спиртовыми салфетками, купленными год назад для авиаперелёта, и дорогим парфюмом, приобретённым в том же в аэропорту в дьюти-фри.
А гиенёныш, оставшийся в подъезде, всё взывал, стонал и плакался.
Но прошло время, и страдалец затих.
Я выглянул в мутный дверной глазок.
Котёнок, прижавшись боком к холодной стене, подвернув под себя лапы, словно маленькая лошадка, обречённо клевал носом.
«Меня караулит», – подумал я. А утром позвонил риелторке.
«Так у вас там начальник есть. Пожалуйста ему, – посоветовала та. – Пусть утилизирует этого котёнка лишайного, куда надо».

* * *

Я пришла в поликлинику.
На медицинский осмотр. Как велела мне Филина.
– Сегодня сто двадцать сисек прощупала, – скорее в пространство, нежели мне, сказала врач, невысокая крепкая женщина с причёской, напоминающей перья разбуженной совы.

Коротко стриженные, бурые с подпалинами волосы ниспадали на стёкла огромных очков. Оттого врач уж вовсе смахивала на ночную лесную птицу.

- Много, – представив сто двадцать сисек, вслух подумала я. И задрала вверх блузку.
- Много, – вздохнула врач и без энтузиазма принялась пальпировать и моё тело.
- А где столько сисек взяли? – заела меня случайно оброненная фраза.
- Так медосмотр в Сосновом бору.

Сосновый бор – это место, где в нашем городе находился интернат для женщин с нарушениями психики.

В народе их называли дурочками.

- А что?.. – застёгивая блузку, спросила я. – У дурочек сиськи красивые?

Женщина вздрогнула. Как будто бы ждала, что я спрошу её об этом.

– Сегодня видела такую, – врач, тревожно упёрлась взглядом в пространство. Как будто снова увидела ту самую дурочку. – Молодая. Высокая. Бледная, как луна... А волосы рыжие, почти красные, по плечам раскиданы! Стоит, молчит... Глядишь на неё, и страшно становится... Как думаешь, красота бывает страшной? – вопросительно впёрла в меня глаза впечатлённая докторша.

- Бывает, – уверенно рубанула я, поддавшись её состоянию. – Ещё как бывает!

* * *

Мы с Володькой пришли на выставку.

Внутри галереи слишком ярко, даже тревожно ярко освещённой большими круглыми люстрами, с вытянутыми бутонами электрических ламп, имитирующих свечи, волнующе пахло обрывками парфюмерных ароматов и живых цветов.

У раздевалки губастый мужик в лохматой шапке, в пальто со столь же лохматым воротником, похожий на медведя, расцарапывал свёрток из плотной суровой бумаги.

Губы у посетителя выставки шевелились. Маленькие глазки под лохмами шапки двигались. «Медведь» священнодействовал. Как будто раздвигал малинник, предвкушая увидеть внутри куста яркие сочные ягоды.

Наконец, из-под грубой серой брони явились на свет хрупкие белые лилии.

Мужик взволнованно облизнулся.

А я начала стаскивать с себя пуховик.

«Давай помогу», – предложил Володька, содрал с меня одежду и сдал её в галерейный гардероб молодящейся старушке со сгустками оранжевой помады в морщинистых губах.

* * *

В самом дальнем углу галереи скромно жалась тётенька.

Она была сильно не похожая на снующую туда-сюда богему с пузырящимся сквозь бокальное стекло шампанским в дорого окольцованных руках.

Тётечка эта не была похожа на художницу.

Её бардовая старомодная кофта с карманами, седеющие волосы, собранные в жидкую кичку на затылке, нерешительность – всё указывало на то, что женщина чувствует себя чужой на этом празднике жизни.

– Извините, кто автор этих картин? – тем не менее спросила я, указывая на несколько полотен, связанных одной темой. На каждом из них было небо.

– Я, – восторженно откликнулась тётюшка с видом торговки неходовым товаром на рынке, к которой наконец-то обратился покупатель.

* * *

– Я всегда рисую только небо, – охотно заявила в интервью художница.
– Почему?
– Потому что на небе Ангелы живут.
– Ага... вот как?.. А что они там делают?
– Ну, я же говорю... Они там живут! Конечно, иногда они спускаются на землю... Но не часто... Кстати! У вас за спиной сейчас Ангелочек стоит.
– У меня???
– Да. Мальчик лет семи. ...Сам светленький, а свитерок у него тёмненький... На груди пятнышко маленькое... розовое... Этот мальчик всегда будет хранить вас. Всю жизнь.
– Ну, что ж... всё может быть, всё может быть, – торопливо засовывая в сумку блокнот с записями, поспешила свернуть я беседу, опасно норовящую скатиться в бред. – Наша газета обязательно опубликует интервью с вами... Возможно, во вторник... Ловите.
«Мадам ку-ку...» – уже мысленно и глубоко разочарованно закончила я свою речь, потом зло окликнула Вовку, чтобы он прекратил-таки щёлкать фотоаппаратом.

* * *

В тот год, стремительно уходящий, я была на «мели».
Жильё моё, съёмная квартирка на окраине города, расположенная в двухэтажном жёлтом бараке, ничуть меня не радовала.
То ветер, воющий за окном, вгонял в меня смертельную тоску; то почти остывшие рёбра батарей доводили меня до «белого» каления; а уж ночные бурные попойки соседей-алкашей за стенкой и вовсе рождали во мне приступы животного жгучего страха.
Арендовать другое жильё я пока не могла.
Смена работы, на которую я решилась месяц назад, была кульбитом рискованным. Я сэкономила каждую копейку, боясь остаться с «фигушкой в кармане».
Личная моя жизнь и вовсе разладилась, многолетний вялотекущий любовный роман, словно старый и грустный тягловый мерин, пал вдруг на бок, да и сдох.
«Наконец-то, – с облегчением подумала я, – туда тебе и дорога».

* * *

– Где Новый год встречать будешь? – спросил меня Вовка, когда мы шли на очередное задание редакции мимо магазинных витрин, торжественно мерцающих весёлыми огнями.
– А, – безнадежно хмыкнула я, – дома встречу. Куплю в гастрономе селедку под шубой... Ещё в моём холодильнике давным-давно стоит недопитое вино «Изабелла» в картонной коробке, надеюсь, оно не прокисло. Включу телевизор, приволоку на диван ватное одеяло, зарююсь в него... в квартире очень холодно... чокнусь с ведущими «Голубого огонька»... Вот и вся моя программа новогодней ночи.
– В Новый год – одна? – удивился Вовка.
– Одна. Совсем одна!
– А я с сыном Новый год встречать буду. Приходи, если хочешь.
– Хочу, – как «за соломинку» ухватилась я за Вовкино предложение. – Конечно хочу!

* * *

Я нажала на кнопку звонка.

Дверь медленно приоткрылась.

В проёме я увидела мальчика лет шести-семи.

Дневной зимний свет, которого хватало сполна, когда я бодро шагала по свежезастеленной снегом улице, теперь умалил свою милость.

Здесь, в подъезде, его источником служило только мутное подъездное окно.

Мне пришлось прищурить глаза, чтобы получше рассмотреть белокурого ребёнка, стоящего на пороге.

Его острое лицо казалось тем более бледным, почти размыто-голубым, как будто бы служило фоном для больших и тоже голубых (таким бывает небо в конце марта) глядящих на меня усталых детских глаз.

Но взгляд мой резко съехал ниже.

Мальчику на грудь.

Там, под тщательно отутюженной рубашкой, стремясь к подбородку, уродливо бугрился горб.

– Вы Марина? – спросил меня мальчик. Его вопрос лёг на свист, доносящийся из груди, как слова песни на музыку.

– Да. А ты Влад?

– Ну конечно... Входите.

* * *

Влад отступил внутрь, и я шагнула в квартиру.

– Давайте куртку, – маленький хозяин услужливо потянул меня за рукав. – Папа сейчас вернётся. Он в магазин убежал. За ванилью.

– Что печёте?.. Запах-то, запах! – с наслаждением поводя носом и вытаскивая из сумки нарядный свёрток, спросила я.

– Штрудель. Яблочный, – скороговоркой ответил мальчик, более заинтересованный моими действиями, чем беседой. – Что это? Подарок?

– Подарок.

– Только не сочиняйте, что Дед Мороз передал... Я не маленький.

– Ну почему же Дед Мороз? – замялась я. И прижала пакет к груди. – Это от меня тебе подарок. Уж не знаю, понравится ли...

– Мне не понравятся коньки, мяч, велосипед... – один за другим принялся зажимать на руке пальцы Владик, – всё остальное понравится.

– Круто! Я знала! Я знала, что большая кастрюля для варки щей тебе точно понравится! – подзадорила я мальчишку.

– Чего? – сморщил носик Влад. – Кастрюля для щей? С капустой? С варёной морковкой? Бе-е-е... ненавижу... Но там не кастрюля... У вас в руках что-то плоское.

– Э, да ты у нас наблюдательный, как Шерлок Холмс! – одобряюще похлопала я по плечу ненавистника щей. – Ну на, держи.

– Лего! – взвизгнул Влад, извлекая из-под нарядной обёртки коробку с конструктором. – Самолёт! Я о нём сто лет мечтал!

* * *

Я смотрела вслед мальчику, улизнувшему от меня из коридора в гостиную.

Влад не ускакал вприпрыжку.

Он именно улизнул.

Сделал это плавно, как бы увернулся.

Этим телесным кульбитом выражалась максимальная Владова скорость. И коробку с самолётом он не прижимал ручонками к груди, как делают многие дети на свете в момент получения желанного подарка, а волок, зажав под мышкой, накрываясь немного вбок под тяжестью крупной добычи. Эти жесты, продуманные, осмотрительные, лишённые детского восторженного задора, добавляли ему много-много лет.

А голос, низкий, одышечный, и вовсе делал Влада похожим на маленького старичка.

* * *

Я вгляделась в своё отражение в зеркале, висящем в тесном коридоре.

Зеркало ничем не удивило.

Тот же пучок на затылке.

Под левым глазом чуть подтёкшая, растворённая попавшей в глаз снежинкой дешёвая чёрная тушь.

– Мари-и-и на... – произнёс моё имя с очень длинным «и» вошедший в квартиру Вовка.

И это долгое «и» сделало звучание имени особенным.

Я вздрогнула от этой неожиданно блеснувшей своей мысли о том, что особенными делают наши имена люди любящие.

– Здравствуй, Володя, – улыбнулась я.

– С Владом уже познакомилась?

– Конечно.

– А почему здесь стоишь? К ёлке идём! К ёлке!

* * *

– Вот так ёлка! – искренне удивилась я. – Никогда такую не видела.

– Мы её из картонной коробки сделали, – сидя на ковре перед горой рассыпанного лего, важно сказал Влад, – жалко живую губить.

– Конечно жалко!.. А ваша ёлка просто чудо.

Я подошла поближе, чтобы рассмотреть кособокое картонное творение, неряшливо выкрашенное в буро-зелёный цвет и уляпанное сверху бумажными снежинками, вырезанными из тетрадных страничек в клеточку.

Я представила себе, как Вовка, набегавшись с фотоаппаратом по редакционным делам, садится вечером на диван рядом с больным сыном, в одиночестве прождавшим его весь день, берёт ножницы, бумагу и чикает, чикает, чикает...

Сердце моё наполнилось мучительной, но сладкой болью. Коллега открылся с другой стороны. Володино отцовство меня умиляло.

– А я долго думал, чем тебя удивить, – вышел из кухни Вовка, – решил, что яблочный штрудель со шепоточкой корицы, с капелькой мёда в новогоднюю ночь самое то.

– И с ванилью! – поднял вверх указательный палец Влад.

И мы втроём рассмеялись.

* * *

О чём-то громко срежиссированным весельем базлал телевизор.

Мы сидели втроём за столом, хохоча ни о чём, ели утку, приготовленную по-китайски.

Утку предлагалось кушать с рисовыми блинчиками, завернув туда брусочки свежего огурца и стебельки порея.

Ели креветки, поданные Вовкой с чесночным соусом; аккуратно пробовали очень острую баклажанную закуску.

Владик, поклевав, как птичка, выпорхнул из-за стола и, усевшись на ковёр по-турецки, зашуршал, забряцал детальками лего. Да так у кучи и остался, потеряв интерес к отцу и ко мне, им не званой гостье.

Мы с Вовкой дули шампанское и без злорадства сплетничали о своих журналистских собратьях, вспоминая смешные случаи и переделки, в которые все мы время от времени попадали.

Потом Вовка подарил мне шерстяные носки, которые я сразу надела.

А ещё кучу снимков.

Вовка запечатлел меня за работой то склонившейся над рабочим столом, то с диктофоном в руке, то сидящую на планёрке.

Это были живые фото.

Сделанные исподволь.

Других таких у меня не было никогда.

И уже не будет.

* * *

Я подарила Вовке тёплый шарф, зная его привычку ходить с голой шеей. Вовка погладил шарф рукой, как котёнка. И мне, под воздействием шампанского, казалось, что шарфик вот-вот замурлычет.

Я почувствовала, как тяжесть предновогодних недель легла мне на плечи. Сытость клонила в сон. И я, ничуть не смутившись своей внезапной усталости, прилегла на диванчик, там, где сидела.

И вот уже сплошным потоком шума, не облачённые в слова, текли из настырного телевизора размытые звуки.

Вдруг слово «втроём», наделённое совсем новым смыслом, смело вынырнуло у меня из-под сознания. Так неожиданно и мощно перед «Титаником» нарисовался судьбоносный айсберг.

«Втроём. Я, Вовка, Влад», – читалось сквозь туман.

Но мой «Титаник» ступевался.

Решать, как быть со словом «айсберг», он не желал.

Схитрил.

Растаял.

И я, в полусне, в полунеге, мечтала только об одном. О том, чтобы плед, клетчатый и тёплый, покрывающий кресло, взметнулся бы над комнатой, будто ковёр-самолёт, и лёг на моё озябшее тело.

И плед взметнулся и лёг. Володя накрыл меня им.

* * *

Проснулась я рано.

Окно было тёмным.

На фоне этой темноты вдалеке исправно дымили две заводские трубы, выпуская на волю расплывчатые перистые облака «сладкой ваты».

Одно облако было голубым.

Другое – розовым.

Город уже не спал. Миллионы утренних звуков, издаваемых в эту секунду человечеством, сливались в общий вселенский гул.

От этого гула, от вида «сладкой ваты», от того, что я проснулась на чужом диване, в джинсах, в водолазке и в шерстяных носках, накрытая чужим пледом, душу мою охватила смута.

Я чувствовала себя виноватой.

Как будто сделала что-то плохое.

«Но что? – мучительно думала я. – Вечер прошёл пристойно. В чём же дело?»

И тут я представила себе вот что...

Сейчас проснётся Вовка. Налёт мне кофе. Принесёт на блюдечке кусочек яблочного штруделя. С корицей и капелькой мёда... И, конечно, с ванилью!

Я буду есть и пить. А Вовка будет смотреть мне в глаза. Ловить каждое моё слово.

А я... Что я?

* * *

«А я сейчас же должна отсюда свалить», – решила я, резко скинула с себя плед, поднялась с дивана. Стянула носки, сунула их в сумку, стоящую в коридоре, оделась и очень тихо вышла из приютившей меня в новогоднюю ночь Вовкиной квартиры.

Я агрессивно шагала по городу.

А слово «втроем», словно вирус, подхваченное мной накануне, свербящей ноющей болью оседало глубоко в ушах и в раздражённом горле.

Я трясла головой.

Плевала в снег заражённые слюни.

Я хотела от слова «втроем» поскорее избавиться.

«Вовкина забота блестит, как липкая паутина на дереве, – зло думала я, – а я – безмозглая Муха-Цокотуха, пляшу под дудку Вовки-паука за яблочный пирог... А паучок уж потирает лапки: «Попалась, милая... попалась».

Мне стало жаль себя.

Я подозревала Вовку в нечистоплотных помыслах. Мне казалось, он хочет использовать меня как бесплатную няньку для своего больного сына.

Зачем я связала себя знакомством с этим человеком?

Ведь Володька мне даже не очень-то и нравился.

* * *

– Ты фотки свои у меня оставила, – сказал мне Володька, позвонив днём.

– Извини. Я спешила, – выкручивалась я, – у меня статья срочная.

– Ладно... У тебя будет повод зайти ещё раз.

– ...Ты извини... мне писать нужно.

– Влад привет тебе передаёт.

– И ты ему передай.

О Владе я старалась не думать. Мысли о больном бледном мальчике с горбом на груди вселили в меня ещё большую панику, чем мысли об его отце.

Я решила спастись.

* * *

Я отыскал начальника. Им оказался мосластый высокий англичанин.

Под козырьком бейсболки его глаза (уже давно не молодого человека) метали гром и молнии. Начальник яростно «собачился» с трудягами местного «разлива» на их языке. Те слушали молча, рассеянно поглядывая на уложенную ими (похоже, не вполне искусно) тротуарную плитку.

Я поздоровался.

На неуверенном английском объяснил, что вчера заселился во-о-он в ту квартиру, и ткнул я пальцем в сторону окна своей холостяцкой дыры.

– Окей, окей, – одобрительно покачал головой начальник, в секунду сменив гнев на милость.

– Вообще-то, SOS! – не согласился я. И с жаром поведал о том, что меня одолел лишайный котёнок, что я не хочу подцепить ненароком заразу и на дух не переносу уличных кошек.

Начальник слушал.

Кивал головой.

– Существуют ведь специальные службы, – ободрённый его внимательным к себе отношением, закружил я свой пылкий монолог, – пусть работники такой службы приедут, утилизируют котёнка куда надо – и дело с концом.

– Не надо службу, – отрезал начальник, – дорого. Я сам с котёнком справлюсь. Один на один.

– И как же? – заинтригованный таким решением, полюбопытствовал я.

– А-а-а, – англичанин махнул рукой в сторону эвкалиптовой рощи, – вывезу подальше, и «концы в воду».

– Ну, как знаете, как знаете, – нехотя поддержал я решение начальника, – а когда?

– Так прямо сейчас, – сказал он мне и, широко гребя в воздухе длинными мощными руками, резко куда-то пошагал.

Минут пять спустя, сидя на балконе, я наблюдал такую картину. Начальник в резиновых санитарных перчатках по локоть выманивал из гущи олив облезлого котёнка (того самого, с розовым хвостом). Он крутил у животного перед носом кусочком, очевидно, чего-то вкусного.

Котёнок купился.

И тут же был сцапан.

Посажен в холщёвый мешок!

* * *

Я проснулся ночью.

Не сам.

Я был разбужен.

Надрывный кошачий вопль был тому причиной. Звук раздавался из-за балконной двери.

В ночи я припомнил Стивена Кинга, его «Кладбище домашних животных» и неумело перекрестился.

«Нет, – думал я, покрываясь испариной, – это не ты, мой маленький розовохвостый друг. Ты в эвкалиптовой роще. Конечно, уже не живой... Давай, покойся с миром».

Но хайластое животное покоиться не желало.

Я подошёл к двери.

Глянул в стекло.

Это был он!

Мой голохвостый выходец из ада!

* * *

– У-ф-ф-ф! – работник ветеринарной клиники, жгучий красавчик-качок в бирюзовом спецкостюмчике, «как чёрт от ладана», отпрянул от больничной кушетки, на которую я вытряхнул лишайного котёнка из картонной коробки. – Да у него же хвост как будто пороссячий!

– Ага, – кивнул я, – а можете ему хвост кошачьим сделать?

– О... Это дорого вам обойдётся, а усыпить могу почти даром... Так что делать будем?

– Лечить, – твёрдо и скоро сказал я, чтобы не успеть передумать.

Ветеринар подробно пояснил, на что мне придётся раскошелиться. В лечение «пороссячьего хвоста» входила госпитализация, лекарства, кормление.

– На всё готов, – нетерпеливо махнул я рукой.

И направился к кассе.

* * *

Я переехала к Вовке полгода спустя.

Как будто случайно.

Помню, июнь пришёл с ливнями.

Листья на высоких тополях, растущих у моей трамвайной остановки, уже достигли пика своей краткосрочной жизни.

Плоские лопасти их тел, уже запылённые едва наступившим летом, милосердно омывали дожди.

Но я не тополь.

Обильные осадки действовали на меня губительно.

Арендованная мною квартира, и без того затхлая и сырая, всю зиму терзавшая меня холодрыгой, весной и вовсе «разродилась» мышами.

По ночам грызуны шебуршались, пища и дерься за найденные крошки.

Я холодела от ужаса, боясь, что они вскарабкаются мне в кровать.

– Так мыши вроде по кроватям лазить не умеют, – сказала мне Вера, когда я, прося совета, как быть, пожаловалась ей на своё житьё-бытьё, – у них лапы вроде как не приспособлены вверх карабкаться. Иначе б мыши на деревьях жили.

– Дай бог, дай бог, – сильно сомневаясь в Вериной логике, тяжело вздохнула я. – Знаешь, Вера, я решила снять получше квартиру... Филина меня жалуёт. Деньги я подкопила... Готова рассмотреть предложения. Не знаешь, к кому за советом обратиться?

– Ко мне обратись, – вздёрнула носик Вера.

– К тебе? – ничуть не удивилась я Вериной компетенции на рынке недвижимости. Она знаток в каком угодно деле. – Обращаюсь!

– На фига тебе снимать квартиру? – состряпала скептическую гримасу всегда критически настроенная Вера.

– Как на фига? – не поняла я, куда клонит корректорша. – Не хочу быть съеденной мышами заживо.

– Ой, да не будут тебя мыши есть! Костями подавятся! Я вообще не о том, – перешла на шёпот Вера, предварительно оглянувшись назад и убедившись, что наш разговор никто не слышит. – А Вовка на что? Парень молодой, холостой. С квартирой! Видно, что ты ему нравишься... Бери его в оборот. Дескать, готова быть вашей, Владимир, на веки... И всё! Дело сделано. И мышей кормить не придётся.

– Да? Прямо так и сказать: ваша на веки? – внезапно одухотворилась я очевидной Вериной идеей.

– Да. Так и сказать, – довольная тем, что я вняла её поучительности, подтвердила корректорша, – всему тебя учить надо.

– А Влад? – схватилась я за самый веский аргумент, который был, на мой взгляд, непреодолимым препятствием в этом деле.

– А что Влад? – Вера наклонилась ещё ниже. Близко-близко к моему лицу. Теперь её шёпот звучал почти зловеще. – Влад – не жилец! А ты за Вовку замуж выйдешь, квартиру в центре города в придачу иметь будешь... Тебе сколько лет? Кто тебя замуж, кроме Вовки, возьмёт? Ни кожи, блин, ни рожи... неряха бесхозяйственная... одни конфеты вон жрёшь!

– Постой, Верочка, постой... Что ты про Влада такое сказала?! Как не жилец? Что ты говоришь-то такое?

– То! Ты как будто с Луны свалилась! Не знала, что у Влада сердце больное?

– Знала.

– А что болезнь его смертельная, знала?

– Нет, ничего такого не знала.

– Так знай! И о себе уже подумай, дура!

* * *

Этот разговор вскипятил мои чувства.

Я не могла писать.

Не могла пялиться в монитор.

На улице шёл сильный дождь.

Я шагнула из-под подъездного козырька в самую гущу ливневых струй. И сразу почувствовала озноб.

Небесная вода, не по-летнему холодная, неласково окатило тело снаружи, принеся с собой ощутимое облегчение.

Однако в груди полыхало.

Я, словно тлеющая головёшка, на которую туристы хлобыстнули воды, чтоб затушить лесной костёр, оставалась гореть изнутри.

Видел Бог, я не жаждала облегчить свою участь за счёт тяжелобольного ребёнка.

Напротив.

Разговор с корректоршей расположил меня к Володе со всей широтой души милосердной русской женщины. Я его пожалела.

Я вдруг внезапно поняла, что жалость выше, тоньше, благороднее любви. И там, где любовь покорно «сложит лапки», простое человеческое сострадание, воспрянув духом, сделает невозможное.

Я приняла решение, что мне нужно многое обсудить с Володей.

А главное – что происходит с Владом.

И если Верины сведения о том, что он болен смертельно, безоговорочно подтвердятся, то я задам контрольный вопрос: когда?

* * *

Влад умер скоро.

Полгода спустя.

В пригородной электричке.

Мы хотели вдвоём погулять по зимнему лесу. Воздух был влажный, как будто бы в комьях: то пустой, то рыхлый. Такие смутные тёплые дни случаются в марте.

Но шёл декабрь.

И мы не усидели дома. Нарушив запрет Володи (он был тогда в Москве) не совать нос дальше детской дворовой площадки – рванули за город.

Там, в пышно наряженном хвойном лесу, находилась конюшня. И можно было покататься верхом на лошадке, предварительно накормив её морковкой, яблоком или кусочком хлеба.

Втайне от всех я часто возила сюда мальчишку. Узнай Володя, что я это делаю, он бы, наверно, «истёр меня в порошок».

Владу вредил не только стресс, но даже слабенькое волнение.

Однако у меня была своя метода Влада оздоровления. Я, бывшая лыжница, жилистая и вёрткая, верила в могущество самоисцеления.

«Было бы желание жить», – твердила я с отчаянной надеждой. И терпеливо учила Влада радоваться жизни, впуская в неё чудеса. А для этого нужно было покидать квартиру.

Влад был мне благодарен.

* * *

В то утро Влад надел тёмный старенький свитерок.

– Это что у тебя в руках? – спросила я его, подкатывая рукава. Мальчишке приходилось покупать одежду на много размеров больше, чтоб уместить его большое сердце.

– Я коняшку нарисовал. Розовую. И вырезал, – сказал мне он, – хочу на свитер прицепить.

Влад протянул мне бумажную лошадиную голову, к которой с обратной стороны была прилеплена скотчем булавка.

– Красавчик, – щёлкнув булавкой и приколол голову, одобрительно кивнула я, – пошли мыть морковку.

Потом, выйдя из дома задолго до отправления электропоезда, мы с Владом побрели на станцию.

– А я ещё манго взял, – сообщил довольный Влад.

– Ещё чего! Я манго коней кормить не нанималась! – в шутку возмутилась я несправедливому распределению продуктов. – Манго – это деликатес. Я его только тебе покупаю. А Звёздочке манго нельзя. В манго косточка. Сам съешь.

– Нет, – не огласился Влад, – я манго тебе отдам. Ты косточки выколупывать умеешь.

К перрону из глубины тоннеля, как большая глазастая змея, выползла электричка.

Тревожно протрубила.

Мы с Владом зашли в полупустой вагон, плюхнулись на свободные места.

Сиденья порадовали нас подогревом. И Влад, утомлённый долгой ходьбой и нутряным теплом электрички, притулившись боком ко мне, быстро уснул.

Задремала и я.

А когда открыла глаза, увидела, как мелькнула жёлтым вокзалом наша конечная станция.

Я аккуратно приподняла голову мальчика.

«Влад, Влад... – мягким в умилении голосом позвала его я. – Слышишь, Влад...»

Влад не ответил.

Фраза художницы в бордовой кофте, рисующей небо, о мальчике Ангеле в тёмном свитере с розовым пятнышком на груди, стоящим у меня за спиной, рубанула мне по темечку топором.

Чудом не убила.

Едва оклемавшись, я со всей очевидностью поняла: это случилось.

Влад не дышал.

Он умер.

* * *

Инга... Её колени, голые и круглые, посиневшие от холода, напоминали две перезрелые тёмно-розовые сливы с тонкой кожицей. В них так и тянуло впитаться губами.

Вместо этого я щёлкнул фотоаппаратом.

– Э, ты чё делаешь? – развязным тоном хабалки возмутилась она. – А ну вали отсюда, папарацци недоделанный!

Девицы в её окружении дружно заржали. А я пошёл по своим делам от греха подальше.

Трибуна стадиона за нашим училищем сегодня была полна. Студенческое соревнование по баскетболу вот-вот должно было начаться. И девицы зябли, поёживаясь от колючего осеннего ветра.

Та, что с синими коленками, стараясь согреться, подтянула длинные ноги к животу, плотно их сведя, и, обхватя руками, так, чтоб джинсовая ультра-мини-юбка не выдала белья.

Я не стерпел и снова щёлкнул.

Она угрожающе, глядя мне в глаза, выпустив из рук колени, вскинула вверх средний палец.

Но тут раздался сигнал. Матч начался.

И она, сразу забыв про меня, согласно новому порыву холодного ветра, конвульсивно повела плечами, поглубже закуталась в куртку «на рыбьем меху».

А я же, как человек, которому администрация училища навязала роль фотокорреспондента, принялся за скучную работу.

* * *

Конечно, я знал её имя.

Инга слыла первой красавицей в нашем потоке. Она была похожа на девушку из иностранного журнала. Меня сбивала с толку внешность Инги. Я не мог понять, что делает она здесь, в стенах кулинарного училища?

Я как мог домысливал её выбор.

Иногда ночные фантазии уносили меня далеко, и я представлял, что Инга под хлопанье фейерверков и всполохи конфетти в блестящем белье выпрыгивает из торта.

Как иначе было связать Ингу с едой?

Вот и сегодня я сидел на трибуне, то и дело поглядывая в её сторону. Инга, окружённая свитой размалёванных ПТУшниц, и знать не знала, о чём я мечтаю сейчас.

Я же мечтал о конце баскетбольного матча.

Когда с чувством выполненного долга я, наконец, пойду домой, а там закроюсь в тёмной комнате и проявлю фотоплёнки.

* * *

Три дня я набирался храбрости.

Три дня ходил по коридорам училища, будто неприкаянный. А завидев её, пылал ушами и ретировался, некстати вспоминая пословицу «на воре и шапка горит».

«Я не вор! – срывался я в истерику в назидание предательски алеющим ушам. – Наоборот! Хочу подарок сделать».

Но в следующий раз при виде Инги уши накалялись пуще прежнего, до мелкого покалывания в горячих раковинах. Я шёл в туалет и с осторожностью заглядывал в зеркало, опасаясь увидеть по сторонам головы бордовой змеи спиральной плитки.

Потом крутил кран, выпуская холодную струю. И поочередно совал в неё уши. И мне уже мерещилось, что уши мои – вовсе не уши. А змеи, которые шипят и ссорятся.

Змей приручить я так и не смог.

Куда там!

Но к ней подойти решился.

– Это тебе, – сказал я Инге, улучив тот момент, когда рядом с ней не было свиты. – Я проявил твои фотографии. Вот... возьми... посмотри. Вдруг понравятся.

– А, это ты, папарацци, – ничуть не удивившись, взглянула на меня Инга. – Ну, давай, раз принёс.

Я отдал Инге конверт, и она, не раскрывая его, сунула снимки в сумку, болтающуюся у неё на плече. И ни слова больше не говоря, ушла по своим кулинарным делам.

А я пошёл в туалет мочить в воде уши.

* * *

Далее события разворачивались с чрезвычайной скоростью.

Инга, привыкшая к грубым ухаживаниям гопников, сильно впечатлилась моим чувственным подарком. Думаю, снимки ей понравились. Иначе как объяснить её порыв? Она предложила мне встретиться.

– А куда ты хочешь пойти? – спросил я девушку, мгновенно сделавшую меня счастливым.

– У нас что, белый танец? Дамы приглашают кавалеров? – грубо одёрнула меня Инга.

– Может, в кино? – скороговоркой выпалил я, боясь, что спесивая красавица передумает.

– Скучно, – сделав недовольную физиономию, разочарованно вздохнула Инга.

– В парк?

– Холодно.

– ...Ну, давай домой тебя приглашу.

– А кто у тебя дома?

– Нет никого. Я один живу.

– Один? – округлила глаза Инга. – Веди!

* * *

– А где предки твои? – гостя с любопытством осматривала мои двухкомнатные «апартаменты» в хрущёвской пятиэтажке, без тени смущения «суя нос в каждую дырку».

– Мать в Москве... За москвича замуж вышла.

– За москвича? – Инга снова округлила глаза и плюхнулась на диван.

– Ну да, за москвича, – сосредоточенно думая о том, чем занять гостью, рассеянно шаблонно отвечал я на её вопросы, – мама в народном ансамбле на аккордеоне играет... Была на гастролях в Москве. Ну, и познакомились.

– А ты? – Инга настойчиво потрошила моё прошлое.

– А что я? Сперва с бабулей жил... Потом она умерла... Сундуки, ковры, комод – это бабушкины вещи, – как бы извиняясь за «нафталиновый» интерьер своего жилища, пояснил я.

– А мне нравится, – неожиданно заявила Инга.

* * *

Я пошёл на кухню, чтобы приготовить чай. Инга же, попросив включить ей телевизор, бесцеремонно вытянув вдоль дивана свои бесконечные ноги в телесных «капронках» с люрексом, с удовлетворённым видом уставилась на экран.

Когда я вернулся с вазочкой сухого печенья и сахарницей, гостя моя как будто даже удивилась моему появлению.

- А... ты? Чай уже готов?
- Да, присаживайся.
- А можно я печеньки лёжа есть буду?
- А чай?
- А к чёрту чай!

* * *

– Вот что-то я не понимаю, – оторвавшись от «Клуба кинопутешественников» и надкусив печеньку, присела-таки на диван Инга, – вот ты, Вовочка, такой приличный мальчик, а учишься – где попало.

– Почему где попало?

– Ну, в училище в нашем, в отстойном... в кулинарном... Ты чё в нём забыл? – мешала мне соображать шевелением хищных губ въедливая Инга. – У тебя же мать артистка. Москвичка!

– А что мать? Она всегда на гастролях была. Меня бабуля воспитывала... В школу пошёл, сам собой распоряжаться стал... На фотокружок записался, – старался я «держать лицо» перед гостьей, формулируя мысли так, чтобы удовлетворить любопытство собеседницы, – когда бабушка умерла, мне пришлось самому еду готовить... мне это понравилось, поэтому я пошёл в кулинарное училище. А ты почему там учишься?

– А я с подружкой за компанию, – отмахнулась Инга, отвечая на мой вопрос с той интонацией, которая давала понять, что эта тема разговора ей скучна. – Где я ещё могла учиться?

– Как где? – вцепился я в Ингино безнадёжное «где?». – Ты хоть понимаешь, ты хоть знаешь, какая ты красивая?

– Теперь знаю. Я это по фоткам твоим поняла.

И я в первый раз за наше знакомство увидел смущение на лице драгоценной девушки.

* * *

Через неделю Инга снова была у меня.

Теперь к её приходу я подготовился и испёк бисквит.

Гостья, сильно удивившись домашней выпечке на столе, скороговоркой, не придавая веса словам, пробурчала с набитым ртом что-то про то, что дома её вкусняшками не балуют, что мамаша её на всю голову больная и что возвращаться к себе ей вообще неохота.

Меня сильно тронуло её признание.

А кроме того, я не желал в глазах Инги оставаться «тепличным» ребёнком. И выпалил, что однажды моя мать-артистка (ещё до московского мужа) привела сюда, в бабушкину квартиру, любовника для постоянного проживания и что нам приходилось абы как ютиться в двушке вчетвером.

Выслушав мою тираду, Инга, рассмеявшись, назидательно, как сопливого мальчишку, щёлкнула меня по носу пальцем, заявив, что я жизни не нюхал и что моя трагедия – ну просто детский сад!

* * *

А ещё через неделю Инга поселилась у меня.

И я под издевательское улюлюканье гопников со слесарного отделения каждый день дожидался любимую у дверей училища, и мы, опьянённые неожиданной близостью, жались друг к другу и, крепко обнявшись, брели домой.

Я сгорал от любви.

И Инга была очарована.

Ведь дома её ждала тарелка горячего супа. В постели – я, сын московской артистки. А в сумочке на ремне – её красивые фотографии.

Всё для неё.

Инга купалась во внезапно свалившихся ей на голову обстоятельствах, как бездомный щенок, которого взяли да приютили.

Злые языки упрекали Ингу в корысти.

Но кто упрекнёт в неискренности бродячего когда-то собачонка, который заходится в приветственном лае, лижет руки и нос спасшему его хозяину?

И какой хозяин будет от ласк уворачиваться?

* * *

Родился Влад.

Земля покачнулась. Дни слились с ночами.

Из той своей жизни я мало что помню, худую бледную Ингу с огромными блестящими в горе глазами, уродливый бугор посередине тщедушного тельца, молочную кухню.

Инга казалась сильнее меня. Я восхищался её твёрдости. Но однажды мне пришлось позвонить моей матери. Это был жест утопающего человека, который за соломинку хватается.

Мать приехала.

Я помог Инге собрать дорожную сумку. Мы вышли с нею из дома.

Я её проводил.

В наш дом она не вернулась.

* * *

Марину я никогда не любил.

...добрая тихая девочка.

Но я её не любил.

Слишком жилистая, слишком плоская... Водолазка эта её, чёрная, сильно подчёркивала первые морщинки под глазами.

Про нас с Маринкой песня есть: «Вот и встретились два одиночества, Развели у дороги костёр. А костёр разгораться не хочется – Вот и весь разговор».

Сорок лет – мучительный возраст.

– Я стал похож на мёртвого пирата, который приведением скитается по кораблю. Фильм такой есть, – пожаловался я на свою незавидную участь приятелю, когда мы сидели с ним вдвоём в полутёмном тихом баре, – хочу яблоко съесть, выбираю самое красное, самое спелое. Кусаю, а вкуса не чувствую – пресная мякина, хоть сплюнь. Душой и телом я стал вялый.

Как то пережёванное яблоко. Хочу пойти куда, а ноги не несут. Иду работать – скучно. Я стал нелюдимым, старым, злым. Что скажешь, что со мной? Может, мне жениться?

– Женись. Но не ищи любовь, – глубокомысленно изрёк приятель, – за любовь баба с тебя «три шкуры сдерёт». Чтоб женщина любила, надо быть умным, красивым, богатым... Женись на той, что пожалеет. Жалость ничего не стоит. Её бесплатно раздают... Через жалость излечишься.

* * *

– Инга, тебе нужно остаться в больнице, – тогда, много лет назад, сказал я своей возлюбленной.

Она лежала на спине, бледная, как луна. Молчала. Я осторожно, как к драгоценности, прикоснулся к её огненным, почти красным волосам.

– Тебе отдохнуть нужно... Выспаться. Просто выспаться! Ты снова станешь весёлой, как раньше. Помнишь, как ты со своими подружками-ПТУшницами хохотала надо мной. Там, на стадионе? Ну, помнишь?

Инга молчала.

Её мать передала дочери в наследство тяжёлое психическое заболевание.

У старой карги недуг проявился поздно. И разум не сильно глумился над ней, наслав на голову старой ведьме воняющих чертей.

И та, ворча сама с собой, днями напролёт тёрла суровой тряпкой стены и пол, злясь, что повсюду в квартире следы от говённых копыт.

А с Ингой всё было непросто.

Болезнь ребёнка сгустила её недуг, пустив под гору колесом. Врачи считали Ингу сумасшедшей. Опасной. Твердили, что место ей только в больнице. Не дома!

В конце концов, они меня убедили.

Я каждый день был рядом. Инга меня знать не знала. Я гладил её волосы, сжимал её плечи, тряс, вцепившись в казённый халат... Зря.

Рассерженный санитар выдирал её из моих объятий. Грозил пожаловаться врачу.

* * *

Шло время. Но время Ингу не лечило. Совсем наоборот.

В один из дней врач запретил мне свидания. Тогда, чтобы выжить, я пригласил Марину в дом.

И мы втроём (я, Марина и Влад) отпраздновали Новый год.

Марина...

Тогда, десять лет назад, после смерти сына я предал её. Уехал в Москву, там работал фотографом в глянцево-журнале. Весьма успешно.

В столице у меня жилище, оно мне вспоминается из-под крыла забивающего уши свистом приземляющегося самолёта.

Вот оно.

В центре неоновой-светящейся сетки-матрицы.

Это столичная высотка.

А в ней, как дева в башне, тоскует та, моя почти пустая холостяцкая квартира, одетая в скупой, не любящий людей хай-тек. Здесь, в этом доме, я многим женщинам дарил красивые фотографии.

Всё хорошо, вот только как же быть с яблоками? Когда-то я почувствую их вкус?

* * *

– Вам нужно ошейник питомцу купить, – сказал ветеринар, суя мне в руки блестящего чернотой, недовольного бесперомонным к себе отношением, вьющегося ужом котёнка, – побегит на улицу, блох нахватает. У нас хорошие ошейники. Противоблошные.

Я впихнул котёнка в сумку, чиркнул молнией.

– Давайте ваш ошейник, – смиренно огласился я.

– Ассортимент на витрине, – поставил меня перед выбором доктор, – какой хотите?

– Но тут все со стразами, с блёстками, – недовольно пробурчал я, – у меня ж мужик!

- Розовый возьмите. Он без блёсток, – посоветовал ветеринар.
- Того краше! – возмутился я.
- Зря вы так, – не согласился мой собеседник. – Чёрный цвет с розовым хорошо сочетается.
- А!.. Давайте розовый! – обречённо махнул я рукой.

* * *

- Перед отъездом я решил наведать Ингу.
Мой родной город встретил меня первым снегом.
Я, с непокрытой головой, в куртке нараспашку, скользил тяжёлыми ботинками по липкой лесной тропинке. Там, между соснами, белой пугающей тряпкой зиял больничный забор.
Инга меня не узнала. Я гладил её волосы, сжимал её плечи, тряс, вцепившись в казённый халат... Зря. Рассерженный санитар выдрал её из моих объятий. Грозил пожаловаться врачу.
В тот вечер, чтобы выжить, я позвонил Марине.
Мы встретились с ней в кафе.
– У тебя волосы полынью пахнут, – чмокнув Чугункову в макушку, а потом расцеловав в обе щёчки, сказал я ей.
– Мне в редакции коллеги подушку с фито-травами подарили, – пояснила Маринка. – Я на ней сплю.
– Одна спишь?
– Одна. А ты с кем свою подушку делишь?
– Таким не делятся... А ты спи на своей фито-подушке. Обязательно спи! У тебя щёчка на вкус горькая, полынная получается.
– А ты шарфик так и не носишь?
– Не ношу. Твой потерял, другого не надо.
– Когда обратно в Москву?
– Не знаю. Я подумал, возьму да не поеду в Москву, лучше махну на какой-нибудь остров. Буду там жить, устроюсь поваром в ресторан, стану готовить на гриле свежую рыбу.
– Когда полетишь?
– А, хоть сегодня.
– Эко тебя мотыляет... Бедный мой Вовочка. Бедный...

* * *

- Под Новый год на этом острове пахнет полынью.
Как от Маринкиной щёчки.
Тут, на Средиземноморском острове, всегда так: стоит начать лить зимним дождям, и всё вокруг оживает.
Растения, иссушенные жарким летом, начинают крепнуть, цвести, невеститься и жениться. И, следуя схеме, не читаемой человеческим разумом, искусно и без усилий сплетать свои атомы-молекулы в «нательные» запахи-ароматы.
Божественно.
Вот куст роз бурно пенится дорогими атласными лепестками цвета бургундского вина.
Но сейчас мне нет дела до его избыточной красоты, до его слишком излюбленного многими парфюмерного аромата.
Запах терпкой полыни, простой и честный – другое дело. Он полыхнул вдруг резко горечью, вздрогнув от ветра.

Одного движения воздуха, запустившего в атмосферу этого вечера полынный дух, хватило сполна, чтобы полоснуть мне душу, наподобие того, как рассекает пространство рьяная лопасть мельницы, чтобы из зёрен сделать муку. А из мыслей моих, тяжёлым камнем повисшим в душе – живые чувства.

В груди жгло.

Так мне и надо.

* * *

Я вытряхнул из дорожной сумки кота.

Он растерянно осмотрелся по сторонам, освоился. Потом понюхал воздух и пока неуверенно потрусил к холодильнику.

Щёлкая языком, вылакал из миски молоко, мною для него налитое. Потом, облизнув довольную мордочку, не глядя на меня, сиганул к зияющей чёрным прямоугольником открытой балконной двери.

Кот чиркнул розовой меткой чернильную ночь и был таков.

«Сбежал», – уныло подумал я. Мне стало невыносимо.

В ту ночь, чтобы выжить, я позвонил Маринке.

– Слышь, Чугункова, ты у меня свои фотки оставила, – сказал я ей, – я ведь помню, ты их забрать обещала.

* * *

Для новогоднего ужина мы купили огромную морскую рыбу.

Володя жарил её на гриле. Я накрывала на стол.

– Что в редакции нового? – спросил Володька, когда мы, наконец, принялись за пиршество.

– Редактор Филина – редактирует. Корректор Вера – корректирует...

– А фотограф Владимир – фотографирует, – весело подхватил мою фразу Вовка и, метнувшись к шкафчику, вынул оттуда нарядную коробочку, протянул её мне.

В коробке лежали снимки.

Десять лет назад Володя запечатлел меня за работой, то склонившуюся над рабочим столом, то с диктофоном в руке, то сидящую на планёрке.

Это были живые фото.

Сделанные исподволь.

Других таких у меня не было никогда.

И уже не будет.

* * *

Я, зная Вовкину привычку ходить с голой шеей, подарила ему лёгкий шарф, согласно здешнему климату.

Вдруг с балкона послышалось настойчивое мяуканье.

Володя встал, открыл дверь.

Чёрное, с лоснящейся шерстью, ловкое животное, мелькнув в пространстве ярко-розовым ошейником, в один прыжок оседлало свободную табуретку.

Кот глянул мне прямо в глаза.

Я отпрянула.

Меня бросило в жар. Вспомнились слова художницы: «Ангелочка рядом с вами вижу... Свитерок у него тёмненький, а на груди пятнышко, маленькое, розовое. Этот мальчик всегда будет хранить вас. Всю жизнь».

– Как кота зовут? – слегка оправившись, спросила я у Володи.

– Может быть, Хвостик? – неопределённо пожал плечами Вовка.

– Он, как хвостик, за тобой увивается?

– Ха, увивается! Он, завидя меня, в сто раз ускоряется!

– Ну, тогда он не Хвостик, а Шустрый Хвостик... Значит, будем втроём Новый год отмечать? Ты, я и Хвостик?

– Значит, втроём, – кивнул Володька и, взяв со стола красное яблоко, с хрустом его надкусил, – м- м-м... Яблоко! Яблоко очень сладкое!

Виновата кастрюля! Рассказ

– Давай-давай, – коверкая русский язык, кареглазый турецкий красавчик с лакированной волной тёмных волос собрал «в гнёздышко» белый чулок. И, подойдя к кровати, предлагая протянул его Галине. – Я помощь делать буду.

– Ну что ж... – вытянув носочек (чтобы было красивее), устремила вперёд правую ногу слегка сконфуженная Галя. – Пожалуй, помоги...

И парень, зааркавив Галину стопу чулочным обнимающим «лассо», мелькая татуировкой «Türk» (турок) на внутренней стороне запястья, ловко раскатал капрон.

Галина представила себя со стороны. Фото получилось бы – «огонь», для её подружек в социальной сети – горячий контент.

Вот только парень подвёл.

– Фсё! – закончив дело, подмигнул он Галине.

– Уже?! – не желала верить красавцу Галина.

Ну, а медбрат, раскатав на здоровой ноге пациентки стерильный чулок, медово улыбаясь, повёз её на операцию голеностопного сустава другой, пострадавшей вчера ноги.

* * *

Очнулась Галина в палате.

Вместо привычных очертаний своей конечности она рассмотрела в наступившей вечерней полутьме громоздкое сооружение. Галя поняла, что это и есть лонгет, о котором заранее, перед операцией, предупредил её хирург. А вот медбрат «на горизонте» не нарисовался.

Но Гале было больно, и она нажала на кнопку вызова персонала.

Красавчик прибыл мигом, вколол пациентке, страдающей утоления страданий, дозу спасительного лекарства, поправил одеяльце, белозубо улыбнулся и исчез.

Галя осталась одна.

Облегчение настало, но лежать на больничной койке в турецком госпитале, куда её доставили на скорой прямиком из пятизвёздочного отеля «всё включено», было душевно мучительно.

«Во всём кастрюля виновата! – закрыв глаза в нервном полусне, решила Галя. Слеза скатилась по её щеке. – Большая кастрюля!»

* * *

Тот день был особенным.

Галина въезжала в собственную квартиру (пусть маленькую, с трудом и кредитом добытую), но свою!

Дом был новым, лифт ещё не работал, и Галя, как усердная пчёлка, летала со двора, где у подъезда ожидал её домашний скарб, до третьего этажа и обратно.

Кроме того, мечта о скорой свадьбе окрыляла Галю. Однако пчёлкин полёт прервала тревожная мысль.

«А Женька где? – взглянув на время в телефоне, нахмурила бровки Галя. – Куда запропастился?»

Галина немедля позвонила жениху.

* * *

– А где кастрюля? – Галина в упор и с вызовом смотрела на сильно припозднившегося молодого человека, встреченного ею у подъезда. – Евгений, где кастрюля?

– Какая кастрюля? – ошетинился Евгений.

– Большая кастрюля! Она здесь стояла! – указывая на пустую скамеечку, сердито недоумевала Галина. – Я за ней спустилась, а тут пусто!

Женя виновато подёрнул острыми плечиками, мельком осмотрелся, но тщетно.

– Так где кастрюля? – несмотря на растерянность жениха, настаивая на своём, вновь спросила Галина. Ключ от квартиры, лежащий в кармане, делал её хозяйкой положения.

– Скомуниздили твою кастрюлю! – психанул жених.

– Как скомуниздили? Это ты виноват! Где тебя носило?.. – грубо, как гвоздями, словами забивала «под каблук» Евгения раздосадованная Галя. – Хорошая была кастрюля... Большая!

– Вот зачем тебе большая кастрюля? – не выдержав, взорвался-таки Женя.

– Ты долдон? Чтобы кушать!

– Куда тебе из большой кастрюли кушать? Ты ж сама как большая кастрюля... Хорошо, что украли! Скажи ворами спасибо! Позаботились, блин.

* * *

Следующим утром Галя пришла на работу весьма расстроенной.

Она загрузила в кофеварку свежие зёрна и, в ожидании бодрящего напитка, решила посоветоваться с подругой-сотрудницей, которая деловито сидела за своим столом с документами в руках, читала их и даже что-то карандашиком подчёркивала.

– Скажи, я толстая? – Галя повернулась боком, оценивающе рассматривая себя в большое офисное зеркало. – Женька запретил мне из большой кастрюли есть.

– Ты из большой кастрюли ешь? – удивилась Галина коллега, оторвав внимание от бумаг. А секунду подумав, подавила: – Ну да... вообще, чуток заметно... Но ты же из неё уже не ешь?

– Не ем, – подтвердила Галина, – большой кастрюли уже нет... И Женьки нет.

– Куда все делись? – окончательно вынырнув из рабочего состояния, озадачилась проблемой Гали её подруга.

– Кастрюля при переезде пропала, – беря в руки чашечку с горячим кофе, исповедальным тоном сообщила Галина, – вор украл.

– А Женю – баба? – ни в лад, невпопад брякнула подружка, чем ужасно рассердила собеседницу.

– Какая баба? – сделав маленький глоточек, возмутилась Галя. – Он сам ушёл.

– А ты?

– А я одна осталась.

* * *

Галина не звонила Евгению.

«Ключики-то от квартиры у меня. Значит, кто у нас в доме хозяин? – рассуждала она. – Захочет домой, попросится».

А Женя домой не просился уже две недели. Возможно, не хотел. Но Галя так не считала, думая, что тот вот-вот перебесится, вернётся к ней и прощения попросит.

Ложась вечерами в холодную постель, она с материнским сочувствием вспоминала длинное худое тело жениха, днями напролёт занятого сложной компьютерной работой.

«Обнять и плакать, – думала она, – обнять и плакать».

Вообще, Галина намеревалась перевоспитать Евгения, укрепив, так сказать, его внутренний стержень и откормить как следует.

В общих чертах Женя ей представлялся как неплохой отец её пока что не родившихся детей.

«А что ещё мне надо? – в очередной раз засыпая одна, здраво рассуждала Галина. – Остальное у меня уже всё есть... Хотя нет... у меня теперь большой кастрюли нет!»

И мысль о кастрюле, о том, что Евгений, гад такой, сравнил её с кастрюлей и подруга туда же – всё это вернуло Галину к тревожному бодрствованию.

«Ладно, запишусь на тренировку, – сдавшись, решила Галина. – Все вокруг как будто сговорились».

* * *

Тренер Пётр с пристрастием уставился на новенькую.

Галя поёжилась.

За стойкой фитобара (где Галина сидела с предполагаемым наставником) девушка пацанской внешности с малиновым ирокезом на голове выжимала из грейпфрута сок; витрина с неоновой салатовой подсветкой была завалена горой зелёных яблок, от вида которых у Гали сильно закислило во рту. Из спортивного зала доносился шорох беговых дорожек. Из сауны – запах соснового масла.

Словом, в воздухе висело настроение – ЗОЖ.

– Так какая у нас цель? – карандаш в лапидарных квадратных Петра казался маленьким-маленьким, как будто он оказался там по ошибке. – Что мне писать в строчке «цель»?

– Цель? – почему-то удивлённо произнесла Галина. – Ну, похудеть, конечно.

– Не похудеть, а постройнеть, – деликатно поправил её Пётр и посмотрел на Галю в упор васильковыми глазами.

От такой голубизны у Гали земля качнулась под ногами. Но она собралась и согласилась с поправкой: «Хочу постройнеть».

– А на сколько килограмм?

Галя пожала плечиками.

– К какой дате хотите постройнеть?

Галина задумалась, но снова ничего не ответила.

– Что ж, – сделав запись в блокнотик, подытожил разговор тренер Пётр, – сейчас я ваше тело измерю и взвешу... Будем знать, куда стремиться.

Впрочем, Пётр знал это без весов и измерительной ленты.

Перед ним стояла умеренно упитанная женщина с широкими плечами, пышным бюстом и без фитнес-цели.

А это значило: Петруше будет трудно!

Ведь администрация спортивного клуба каждый месяц требовала от сотрудников отчёт о сброшенных клиентами килограммах.

Тренер пригласил подопечную встать на весы.

– Ну что? – нетерпеливо спросила Галя, когда цифра высветилась на электронном экранчике.

– Десять килограммов лишнего веса, – сообщил Пётр. – Придётся поработать.

– Опять работать? – как будто шутя, фыркнула Галя. – Я сегодня уже наработалась.

* * *

– Как дела? – спросила дома у Петра его красивая жена, поставив перед супругом на стол говяжий стейк и салат из шпината.

– Клиентка новая! – тренер вонзил нож в мясо, из него брызнул кровавый горячий сок. – Думаю, статистику к концу месяца мне подпортит. Премию не получу.

– Как не получишь? – встревожилась супруга. С премией мужа она уже мысленно сходила в магазин и купила себе новую сумку. Ведь у неё блог про шопинг на ютубе. Отсутствие премии больно било по карьере красивой «половинки» Петра. – Твоя клиентка, она что... Ленивая?

– Ага, – закивал головой Петр, зажевав кусок говядины стебельком шпината, – ей тридцать лет... а цели нет.

Пете понравилось, как складно у него вышла фраза, он даже внутренне улыбнулся. Но жена выдрала его из состояния тихой радости, как морковку из грядки, резко и безжалостно.

– Так дай ей цель! – провозгласила блогерша.

– Как? – Пётр резко отодвинул от себя тарелку с недоеденной травой.

– Так!.. Ну, подыграй ей... сделай вид, что влюбился... в парк на пробежку её пригласи, – сыпала и сыпала советами покорительница интернет-пространства, – ты ж всё равно каждое утро бегаешь. Какая тебе разница, одному бежать или с ней? А так... Ей польза, мне – премия.

– Я не хочу, – растерянно заморгал васильковыми глазками Пётр.

– А я хочу, – схватив со стола телефон, заявила его супруга, – как она у тебя записана?

* * *

Галя получила электронное послание от Петра с предложением совершить пробежку в парке.

«Влюбился?» – ёкнуло Галино сердечко. Уняв лёгкую дрожь в руках, новоявленная фитоняшка набила на клавиатуре телефона ответ, дескать, предложение принято.

– Петя, вы женаты? – сразу спросила Галина, когда на следующий день в пустом ещё из-за раннего часа сквере тренер притягательным взглядом повлёк её за собой.

– Женат, – немного виновато сознался тот, продолжая намеренно медленно бежать трусцой.

– Что ж вы сразу-то не сказали! – затормозив как вкопанная, встала Галя. – Что вы мне «лапшу на уши навесили»? Мне ещё детей рожать, а я тут с вами время трачу!

Так, раз и навсегда у Галины с фитнесом было покончено.

Зато после лжетренировки с Петром Галя накупила в супермаркете вкусняшек: охотничьих колбасок, жёлтого сухого полосатика и пива.

Всё, как Женя любит.

Придя домой, Галина позвонила жениху.

– Всё дуешься? – вместо того чтобы пригласить Евгения на ужин, зачем-то ехидно спросила Галина.

– Дуюсь, – согласно Галиному тону, буркнул тот.

– Ну-ну... смотри, не лопни! – съязвила Галя, закончив разговор.

Потом она налила себе пива, отпила немного и подумала: «А чё я маюсь? Жениху стараюсь понравиться? Тренеру угодить?.. Ну да... немного толстовата... Да, на любителя... А доставлю-ка я удовольствие таким любителям. Слетаю в Турцию, в отель „всё включено“, там таким аппетитным девушкам, как я, проходу не дают».

Решенье это было спонтанным, но сильным.

И Галина оплатила билет.

* * *

Галя прилетела в отель ближе к вечеру.

Переделалась в купальник и прилегла на шезлонг у бассейна.

Совсем рядом, в нескольких шагах от неё, располагалась лавочка с товаром. Оттуда доносились запахи ароматических снадобий, натуральных масел и свеч.

Галя наблюдала, как время от времени в лавку заходили русские женщины, бойко переговаривались с продавцом, торговались и выходили с нарядными пакетиками.

Постепенно стали сгущаться сумерки, у бассейна становилось прохладно, а возвращаться в отельный номер Гале пока что не хотелось.

Она решила посетить магазинчик и, встав с шезлонга, решительно накинула на тело яркое цветочное парео.

– Добро пожаловать, красавица, – прекрасно говоря по-русски, простёр к ней руки молодой турецкий торговец. – Что ты хочешь? Крем? Духи? Масло?

Намётанным глазом Галя сразу прикинула: на вид молодому человеку лет двадцать пять, он улыбочив, обаятелен, похож на эстрадного перца, Авраама Руссо в юности – для курортного романа то, что надо!

* * *

– Кожа сохнет, – сообщила хозяину лавочки свою потребность Галина, – есть чем кожу увлажнить?

– Есть, красавица, есть! – кинулся к полке с красивыми коробочками Авраам.

Тем временем Галя присела на кресло.

– Вот, красавица, масло. Изумительный товар! – продавец смачно чмокнул кончики собственных пальцев, собранных в щепотку, и извлёк из коробочки пузырёк. – Давай я за тобой поухаживаю.

И парень капнул ароматическую смесь Гале на шею. Потом горячими ладошками стал втирать её покупательнице в кожу, опасно касаясь шеи, ключиц, груди.

– Ладно, ладно... хватит, – прекратила жаркие движения лихо разошедшегося Авраама смущённая Галина. – Беру твоё масло.

И Галя, вынув из сумочки купюру, протянула её продавцу.

Денежка была крупная, и требовалась сдача.

Из купюры достоинством в евро Авраам для приятности туристки замыслил сделать оригами. Пока он орудовал с купюрой, было время закадрить покупательницу.

– Давай сегодня погуляем, – протягивая Гале денежный цветочек, предложил он.

– Давай, – приняв самоделку, согласилась Галина.

* * *

Вечером Галина с Авраамом гуляли по роскошно иллюминированной территории пятизвёздочного отеля и по берегу моря.

Они болтали, держались за руки.

Но до поцелуев дело не дошло.

– Бокал вина хочу! – высказал желание турецкий красавчик. – Всего один бокал!.. Вот только деньги я не взял... Карманов в шортах нет.

Галя задумалась.

С одной стороны, она приехала в отель на «всё включено», и сейчас в ресторане от яств и алкоголя столы ломятся. Но Авраама туда без браслета, конечно, не пустят. Надо вести его в платный бар.

Но, с другой стороны, если от романтической ночи с красавцем её отделяет бокал вина, разве это плата за мечтаемое удовольствие?

– Давай, выпьем, – к радости Авраама, решила Галя.

Правда, бокалом вина дело не обошлось.

Галина к тому времени была голодна как волчица. А терпеть голод она не умела.

В ресторане заказали рыбу, креветки, чесночный хлеб и вино.

Выпив, Галина рассказала Аврааму о том, как ей хорошо живётся, о том, что у неё есть своя квартира, хорошая работа, а стало быть, достаток.

Красавчик, напротив, говорил про то, как ему плохо живётся, что отец его смертельно болен, что лавочка, где он просто продавец, приносит мало пользы, а стало быть, достатка нет.

Такой случился разговор.

А когда после ужина сытая и пьяная парочка устремилась по дорожке по направлению к номеру Гали, то Авраам, жарко целуя её в декольте сарафана, изрёк: «Со мной ты почувствовала себя молодой и красивой, правда? Хочешь, поженимся?»

Эта фраза насторожила нетрезвую Галину.

Алкогольный и романтический флёр как рукой сняло.

– Так ты альфонс, что ли? – гневно спросила она оторопевшего Авраама. – Денег хочешь?

Тот испуганно остолбенел и нечего не ответил.

«Вот тебе! Кукиш с маслом!» – и Галина выкатила под нос красавчику грозную фигу.

* * *

Галя шагала широко и стремительно, не разбирая дороги.

Ступеньки, не выхваченные фонарём из темноты, сделали подлое дело. Галина оступилась, нога подвернулась, щиколотку пронзила боль.

Всю ночь Галина гасила страдания, прикладывая к распухшей и посиневшей ноге холодную пластиковую бутылку с водой, добытую из мини-бара.

А чуть забрезжила заря, она, утомлённая стенаньями покалеченной ноги и сердечной смутой, отправилась искать спасенья на ресепшен.

Оттуда Галина попала в госпиталь, а затем – на операцию.

И вот, ночью, лёжа одна, лишь с кнопкой вызова платного медбрата, Галина позвонила Евгению.

И, захлёбываясь в слезах, она всё-всё ему рассказала.

Рассказала, что очень любит его, что мечтает выйти за него замуж и родить двоих детей.

* * *

Женя прилетел в турецкий госпиталь через сутки.

– Это кастрюля во всём виновата, – как голубка, ворковала смиренная Галя, – это она нас поссорила.

– Не горюй, – обнимая Галину, посоветовал невесте Женя, – я куплю тебе другую хорошую кастрюлю.

– Большую?

– Большую.

Крутые кепи Рассказ

– Мне идёт? – Татьяна Николаевна Пискарёва примеряла кепи в отделе головных уборов в ЦУМе провинциального российского городка. – Как я тебе?

– Как Олег Попов, – резко внесла ясность острая на язык приятельница Пискарёвой, которую тоже звали Татьяной.

В быстрых разговорах приятельницы перекидывались общим именем, как мячиком пинг-понга.

– Поняла, Таня... Тогда я снимаю, – Пискарёва стянула неуклюже развалившееся на голове коричневого цвета вязаное изделие с козырьком и брошью в виде кошки.

– Снимай, Таня. Снимай.

Избавившись от кепи и выпустив на волю светлые кудряшки, непослушно торчащие по бокам головы, Татьяна Николаевна сделалась похожей на усталого юношу-купидона, посадившего зрение на прицеливании из чудо-лука и потому носившего очки, но не потерявшего азарта.

Впрочем, мишенью Пискарёвой были не половозрелые сердца, а детские умы.

Ведь обе Тани работали в школе.

* * *

Ноябрьский вечер присваивал людей. Он, как паук, словно сеть, опутывал прохожих темнотой, чтоб те, дрожа, беспомощно барахтаясь, осознавая силу власти поздней осени, сдавались бы, хандрили. И отдавали радость жизни ноябрю.

Сверкающий ЦУМ зло выплюнул ничего не купивших подруг.

Туда, где высекая из-под колёс дорожную жижу, спешили к месту ночлега машины.

Татьянам тоже хотелось домой.

* * *

– Знаешь, Таня, – Пискарёва всё же замедлила шаг, – ты видела моих новеньких, девочек-двойняшек, Ивановых? У них бабушка очень странная.

– Что с бабулей не так?

– Она каждый день в новых кепи в школу приходит!

У Тани промокли ноги, и ей не хотелось поддерживать разговор о школе, флегматично бредя по лужам. Но оставить волнение приятельницы без внимания она не могла, поэтому решила обратить беседу в шутку.

– Так она безумная шляпница! – задорно предположила Татьяна.

– Кто? – не поняла внезапно прилетевшего юмора Пискарёва.

– Ну, помнишь, раньше шляпники использовали ртуть? – Татьяна театрально понизила голос до шёпота. – Ядовитые испарения сводили шляпников с ума!.. Может, эта, твоя в кепи, тоже того? Сумасшедшая?

– Да ну тебя! – поняв неуместность начатого обсуждения, шутя, шлёпнула подружку перчаткой по плечу Пискарёва. – Хорошо, что ртутные градусники выпускать перестали, шляпники здоровее будут!

Тани дружно рассмеялись и разбрелись в разные стороны.

* * *

На следующий день после уроков Татьяна Николаевна Пискарёва раздавала родителям их первоклашек.

Первая смена закончилась, а вторая почти началась, поэтому в вестибюле было много народу.

Охранник собачился со старшеклассниками, которые нахально крутили «вертушку», «забыв» переобуться. Зарёванная девочка искала потерянную куртку. Сидя на руках у пирсингованной в крыло носа родительницы, скрипуче лаяла ручная собачонка.

Пискарёву то и дело дёргали с вопросами родители, совали деньги за столовую, дотошничали.

Внезапно на фоне всей этой вакханалии перед взором Татьяны Николаевны тревожно вспыхнул алый мак. Это Иванова предстала перед ней в бессовестно красном головном уборе. И вот так, с цветком на голове, она приблизилась к онемевшей от удивления Пискарёвой, расплылась в дружелюбной улыбке.

Татьяна тоже скорчила гримасу.

«За нами бабушка пришла, – одна из двойняшек потянула за рукав впечатлённую Таню. – Домой идти можно?»

* * *

Иванова – это грузная женщина лет шестидесяти. Большой живот придавал приземистой женщине округлую форму. Тряпичный, на утеплённой подкладке, сильно поношенный коричневый плащ тем более утяжелял Ивановское рыхлое тело, делая её похожей на домашнюю сытую утку, сильно раскормленную по осени.

– Вон, смотри! Видишь? – шепнула подошедшей коллеге Татьяне возбуждённая Пискарёва и незаметно повела взглядом в спину торжественно плывущего к выходу «алого мака».

– Вижу, – кивнула та. – И правда, крутое кепи!

– А пойдём-ка, кепи обсудим, – Татьяна Николаевна «под локоток» увлекла с собой подругу в свой опустевший кабинет.

– У меня ЧП! – устало опустилась на стул Татьяна Николаевна. – Кто-то в классе ворует... Так, по мелочи, большую пачку новых фломастеров у девочки из портфеля вытащили. Родительница мне звонила, жаловалась. На прошлой неделе клячку кто-то потерял, на этой неделе – сто рублей... Короче, разобраться надо.

– Возможно, слово «потерял» здесь главное? – предположила не проникшаяся проблемой собеседница.

В ответ Пискарёва так нервозно дёрнула плечиком, что Татьяна своё предположение «замяла».

– На кого думаешь? – примирительно протягивая утомлённой приятельнице карамельку, участливо спросила она.

– На Ивановых.

– Ну почему? Они хорошие девочки. Почему Ивановы?

– Они новенькие! Что мы о них знаем?

– А ты узнай.

– Слушай, Таня! Я сейчас, наверно, скажу ерунду, но я правда так думаю, – Татьяна Николаевна так разволновалась от настырного выпада подруги в свою сторону, что речь её, обычно более-менее спокойная и размеренная, стала вдруг сбивчивая и рваная. – Таня, я не понимаю, откуда взялось это моё убеждение, но мне кажется, что эта бабка их, Иванова, кепи ворует.

А внучки в бабушку пошли. Тоже воруют. Как говорится, не родит свинья бобрёнка, а родит того же поросёнка.

– Иванова кепки тырит? – Таня прекратила сосать карамельку. Лицо её вытянулось. – С чего ты взяла?

– А где она каждый день берёт новое кепи?

– Ну, не знаю... Коллекционирует. Покупает и в шкаф складывает... Почему сразу ворует?

– Таня, пойми, все кепи высшего класса. Это элитные головные уборы. Крутые! Они не на рынке куплены. Эти кепи больших денег стоят. А Иванова... Ну, ты её видела. Очевидно, что кепи ей не по карману!

– Она их шьёт!

– Чтобы шить такие кепи, эстетический вкус нужен. И бюджет! От Ивановой нищетой и затхлым шкафом пахнет.

– А где родители двойняшек? Почему их бабушка забирает?

– Мать, кажется, на инвалидной группе. Отец как будто из семьи ушёл, не помогает. Как девочкам из такой семьи яркие фломастеры не выкрасть?

– Танюша, ты устала.

– Как устала? До конца учебного года пахать и пахать!

* * *

Вечером Татьяна Николаевна накапала себе валерьянки, присела на диванчик в ожидании звонка от взрослого сына.

– Что с тобой? – обеспокоился Танин муж. – Ты сегодня квёлая.

– А вот послушай, – оживилась Татьяна. – У меня в школе есть женщина по фамилии Иванова. Очень бедная женщина, она бабушка новеньких двойняшек. Так вот, Иванова каждый день приходит в школу в новых крутых кепи. Как ты думаешь, где она их берет?

– Так, надо сообразить, – как бы всерьёз задумался Танин муж, отличный инженер с деликатным чувством юмора.

Он воткнул указательный палец в очковую перегородку:

– Я думаю, что Иванова высматривает женщин в крутых кепках на улицах города, выслеживает их, прищучивает в тёмных закоулках, срывает с них кепи и растворяется с добычей в руках, как кусок сахара в кофе!

– Да ну тебя! – отмахнулась от несерьёзного супруга Татьяна. – Иванова – крупная пенсионерка. И раствориться, как рафинад, она не может.

Зазвонил телефон.

И Пискарёвы забыли о кепи.

* * *

Нужно было разобраться с воришкой. И Татьяна Николаевна отправилась к Ивановым. Оказалось, что двойняшки живут в затёртом высотками частном доме. Деревянная избушка, одна из тех, которые числятся под снос, ютилась в центре города и, ничуть не конфузясь современных новостроек, весело пускала в небо душевно пахнущий деревней печной дым.

Татьяна Николаевна, толкнув ворота, отяжелевшие от влаги, вошла во двор.

Пёс высунул из конуры крупную голову, но покидать нагретое телом убежище не пожелал.

Татьяна юркнула под навес. Здесь пахло гниющими брёвнами и пыльным хламом – печальной участью умирающих домов.

«Вот почему одежда двойняшек пропиталась затхлостью», – подумала Татьяна и толкнула дверь.

Внутри оказалось куда веселее.

В буржуйке трещали двора, редкий по осени солнечный луч геометрически чётко расположился на деревянном прогретом полу, под ноги вошедшей Татьяне метнулась рыжая кошка.

Откуда-то сбоку вывалилась Иванова в махровом тёплом халате, в шерстяных носках на босу ногу, без новой кепи на непривычно непокрытой голове.

* * *

– Вы? – растерялась Иванова. И суетливо стала распихивать по карманам катушки ниток, которые до сих пор держала в руках. – А девочки на швейный кружок убежали.

– Вы тоже шьёте, Клавдия Петровна? – повела глазами в сторону Ивановских распухших карманов Пискарёва.

– Нет, что вы? Нет... Вы проходите, Татьяна Николаевна, – хозяйка кинулась стягивать пальтишко с гостыи. – Это дочка шьёт. Я не умею.

* * *

Пискарёва присела к столу.

Пока Иванова гремела на кухне чайником, Татьяна осмотрелась. Внутри домик казался столь же убогим, что и снаружи. Но всюду царил порядок.

Скатерть на столе казалась кипенно-белой. Окна цедили дневной свет открыто и без помех. От ситцевых штор в букетах ромашек пахло стиральным порошком и летом.

Из соседней комнатухи-закутка послышались короткие фразы. Это Иванова переговаривалась с кем-то, для Татьяны пока невидимым.

Но вот дверь распахнулась, и Иванова выкатила из каморки инвалидную коляску, в которой сидела молодая женщина.

– Вот, Наташа, познакомься, это Татьяна Николаевна, – сказала хозяйка и подкатила дочь к столу. – Она наших девочек в школе учит.

А пять минут спустя женщины пили чай, болтали, смеялись.

– Я головные уборы шью, – весело рассказывала Наташа. – Выполняю личные заказы, в магазины пристраиваю... А мама у меня такая модница, кепки любит! Я ей даю разок пофорсить, потом забираю. Продаю.

– Вашей маме кепи к лицу! – абсолютно искренне восхитилась Татьяна. – Ей кепи очень идут! Правда-правда!

* * *

Неделю спустя ученики Татьяны Пискарёвой заполняли рукописи. Педагог ходила вдоль рядов, следя за тем, чтоб дети правильно держали ручки.

Серо-буро-малиновые ладошки самого «мелкого» второклассника по фамилии Барашкин притянули Танин взгляд.

– Где ты руки испачкал? – спросила она мальчишку после урока.

– В туалете.

– А чем?

Парнишка, поняв, что «прокололся», замялся, зарыдал, но тайны не раскрыл.

Таня кинулась к предполагаемому месту преступления. В урне изуродованные, вывернутые наизнанку искорёженной грудой валялись фломастеры.

- Зачем ты фломастеры у одноклассницы взял и сломал? – спросила у Барашкина Таня.
- Она обзывалась.
- А как?
- Бараном.

Позже нашёлся и ластик. Уборщица, обнаружив его в раздевалке, определила в потеряшки.

А сто рублей исчезли навсегда.

* * *

Под Новый год, в последний учебный день, перед началом каникул двойняшки принесли Пискарёвой подарок.

Красный подарочный пакет с изображением Деда Мороза, который на тройке коней взмывал в звёздное небо, Татьяна поставила в шкаф до конца уроков.

И о презенте забыла.

А собираясь домой, всё-таки вспомнила, открыла. В пакете лежала фетровая шляпа.

Татьяна примерила её и снимать не захотела.

– Как я тебе? – имея в виду новый головной убор, спросила Пискарёва у приятельницы Тани, которая дожидалась её в вестибюле.

– Как английская королева! – восхищённо выпалила та.

Тетерев Рассказ

«Я не верю словам», – сказал я.
И оглох на целых четыре дня...
В тот год мне исполнилось тридцать.

* * *

А в тот день, когда мне исполнилось четырнадцать, случилось вот что...
С утра я нагладил белую рубаху и сделал звук приборчика за ухом (знаете, такие бывают у слабослышащих людей?) громче обычного, чтоб расслышать поздравления.

«Женечка! – умилённо сложила ладошки лодочкой наша молодая симпатичная географичка, когда я вошёл в кабинет. – Мы поздравляем тебя с днём рождения!.. Ой, а что это там... на твоей парте? Видимо, подарок?!

Я посмотрел в свой угол, на последнее место в крайнем ряду.

На парте стояла коробка.

В таких, в хозяйственных магазинах, хранятся люстры, чайники, кастрюли.

* * *

Коробка эта (я заприметил сразу!) была перевязана зелёной ленточкой нашей рыжеволосой красавицы Марины, которая многим мальчишкам очень нравилась. И мне Марина нравилась тоже.

Я оторопел.

Замер на месте.

«Ну что ты застыл как вкопанный, – рассыпалась смехом учительница. – Давай же, иди, разворачивай!»

«Давай, открывай», – вкрадчиво шепнула красавица.

«Чё мнёшься, Тетерев?» – подзадорил недруг Бурылов.

«Тетерев, мы ждём», – снова вступилась Марина, теперь уже требовательно, и, картинно скрестив на груди длинные тонкие руки, в упор уставилась на меня медового цвета крыжовинами.

Этот демонстративный Маринкин жест сбил меня с толку.

Но голос... Маринин голос... такой настойчивый, побудил меня к действию.

Я подошёл к коробке.

* * *

Марина...

Девочка, похожая на щенка золотистого ретривера.

Я обожал смотреть на неё.

Марина входила в класс, садилась на стул и, машинально вытягивая из портфеля разные принадлежности, обводила глазами пространство подле себя, всякий раз ища, во что бы вцепиться взглядом.

И каждый раз находила.

Поводом притяжения Маринкиного внимания могла послужить даже мелочь: новая тетрадка с красивой обложкой у приятельницы; сикось-накось застёгнутые пуговицы на рубашке у одноклассника; гора прозрачных карамелек-гостинцев у учительницы на столе...

И эта мелочь, найденная Мариной, всегда была поводом поговорить.

Марина смотрела на собеседника очень проникновенно. Деликатно вела разговор о предмете её заинтересованности.

Её лицо, одухотворённое беседой, неярко ровно светилось.

Всё заканчивалось тем, что Мариша узнавала, где продаются яркие тетрадки; заботливо перестёгивала пуговицы у смущённого парня; либо угощалась фруктовой ледышкой, предложенной ей географичкой.

Но ещё миг...

И Марина теряла интерес к происходящему.

Гасла.

До последней искры.

Но искорка взрывалась вдруг, срывая Маринку с места, и она мчалась восвояси по своим делам, мелькая ягодицами, накаченными спортивной акробатикой и обтянутые тесной юбкой.

И эта способность меняться сразу, в одну секунду, целиком и полностью – всегда меня впечатляла.

Особенность эта была похожа на повадку щенка умной жизнелюбивой собаки.

На Марину я мог смотреть вечно.

* * *

Да и Марине нравилось смотреть на меня!

Я уже сказал, что внимание этой девочки могла привлечь даже мелочь.

А уж тем более я, Тетерев (как называли меня одноклассники за врождённую тугоухость и вживлённый кохлеарный имплантат за левым ухом).

Несмотря на прозвище, я не был в классе изгоем.

Одноклассники привыкли к моей особенности, и вполне нейтральное обращение «Тетерев» никогда не съезжало к обидно-уничижительной кличке «глухая тетеря».

Скажу больше, Маришу привлекал не только мой «дефект», который тянул за собой особую манеру произносить слова, которые как будто извлекались из механического нутра говорящего робота... не только это.

Вообще-то, к слову сказать, тетерев приходится какой-то далёкой роднёй самой чудоптице, павлину.

К чему юлить?

Я не дурён собой: голубоглаз, русоволос.

Я выше своих одноклассников, шире в плечах, умнее... Мой недруг, Бурылов, напарник Мариши по акробатике, по-подростковому глупо ревнует меня к своей рыжей партнёрше.

Не зря.

* * *

Я бережно развязал на подарочной коробке зелёный Маришин бант.

Открыл коробку.

Там лежал бумажный свёрток.

Я раскрутил его. В свёртке был свёрток. Потом ещё и ещё...

Я, разумеется, чуял подвох. Но тем стремительнее работали мои пальцы, и тем ожесточённее азартнее крутил я бумагу, желая добраться до сути.

И суть себя предъявила.

То был мой старый кроссовок, неделю назад потерянный в раздевалке. И, как рыба на суше, разинувший «рот».

Бурылов громко заржал.

Толпа поддержала.

– Извини, – оправдывалась после учительница. – Я ничего не знала.

– Ты знала! – пылая щеками, зажал я Маришу в углу. – Зачем подначивала: «Открой да открой!»?

– Ладно, Тетерев, забудь, – примирительно приобняла меня Мариша. – Это же шутка... Просто слова.

С тех пор я понял, слова могут быть подарочным бантиком на коробке, в которой хранится обман.

* * *

Я был вторым и последним сыном в семье.

Отец мой, мастер резьбы по дереву, знал отрывки из сказок Пушкина наизусть.

Он учил их, вырезая огромные сказочные панно для детских садиков, лагерей и поликлиник.

Такие картины, с котом учёным на цепи, с русалкой на ветвях и Черномором – в советских детских учреждениях были повсюду.

Многие из них – моего родителя рук дело.

И пока мой малообразованный отец орудовал инструментом, он подспудно зубрил наизусть стихотворные творения Александра Сергеевича.

Ему это нравилось.

Кстати, гений Пушкина как раз и помог распознать мою врождённую тугоухость, почти глухоту.

* * *

«Твой брат, грудной младенец, только под сказки Пушкина и дрых, – сидя с нами, уже взрослыми, на кухне с бутылкой водки на столе, который раз рассказывал нам отец одну и ту же историю и тыкал пальцем в сторону брата. – Проснётся было среди ночи, я к нему. Я вашу мать всегда жалел... Так вот, возьму на руку горлохвата эдакого и давай трясти. Трясу и приговариваю: „Вот мудрец перед Дадонем стал и вынул из мешка золотого петушка“... Глядишь, братец твой уже сопит в обе дырки!»

На этом моменте своего рассказа отец всегда тяжело вздыхал и восполнял наши рюмки.

«А ты, Женька – другое дело, – теперь отец тыкал пальцем в мою сторону. —

Помню, ты уже на ножках стоял. Бывало, посажу тебя на колени, давай про петушка рассказывать, а ты ужом вьёшься, сползаешь. Не слушаешь... Думали, думали мы с вашей мамой: почему ты Пушкина не любишь, – да и понесли тебя в поликлинику, врачам показывать. А там – вон какое дело».

В первый раз я услышал эту отцовскую историю, будучи младшим школьником.

И так мне было совестно перед Пушкиным, что я зарок дал: читать его как можно чаще.

Так что кое-что из Пушкина я помню «назубок»!

* * *

Мои родители любили друг друга.

А любовь творит чудеса.
Моя болезнь тем более их сплотила.

Конечно же, отцу с матерью пришлось пройти «огонь, воду и медные трубы», под которыми подразумеваются и бесконечное хождение по врачам; моё вынужденное нахождение в садике для глухих и слабослышащих детей; моя непростая операция по вживлению кохлеарного импланта в левое ухо и коррекционный класс начальной школы.

Однако старания моих терпеливых родителей сделали своё дело.
В средних классах я уже мало чем отличался от других детей.
Напротив, я обладал преимуществом!

* * *

И преимущество это услужливо предоставил мне мой дефект. Дело в том, что вживление импланта, конечно, умная технология.

Но не панацея от глухоты.
Аппарат лишь улучшает слух.
Но не заменяет человеческое ухо.

Как не могут заменить 2—3 десятка электродов в приборе 20 тысяч волосковых клеток в ушной улитке.

Посему я был вынужден осилить следующий список умений: я научился читать по губам; знал язык тела, язык жестов и азбуку пальцев.

* * *

Но и этим дело не закончилось.

Знаете, бывают такие дети, которые, например, рождаются физически слабыми и больными, а потом превращаются в именитых спортсменов?

Так было и со мной.

Мой изъян родители шлифовали как могли. В какой-то момент они приняли решение учить меня иностранным языкам.

Весьма успешно!

Я мечтал стать переводчиком, разъезжать по разным странам, купить дом на берегу океана, ножичком вырезать из деревяшек фигурки (чем каждый день занимался с отцом) и желал жениться на Маринке.

* * *

«Ну, это уже чересчур!» – глядя на Маринкину красоту, думал я.

Ту деньрожденскую коробку с бантиком я давным-давно забыл.

И простил Маринку.

Так прощают любимого щенка, когда тот возьмёт да напакостит, сгрызя ваш любимый ботинок. «Чего уж там?» – думаете вы и целуете пса в лобик.

Так и я относился к Маринке.

А она вместе с Бурыловым готовилась поступать в цирковое. Они с утра до ночи репетировали свои этюды.

Марина иногда приглашала меня в зал как зрителя.

Говорила, что ей нужно привыкать к вниманию публики.

Я приходил.

Бурылов злился.

И яростно зашвыривал Маринку на плечо; бросал на пол; безжалостно крутил её вокруг себя, имитируя в своём акробатическом этюде безумную страсть.

Однако мы были юны.

И наши чувства были сродни красивому пейзажу в тумане. Туман должен был осесть, раствориться, распылиться, чтобы картина стала отчётливо ясной.

Так и случилось.

Мы: я, Марина и Бурылов – разъехались в разные стороны.

Вернее так, я начал учить языки в университете, а Маринка с Бурыловым уехали в другой город поступать в цирковое.

* * *

Прошло пять лет.

Я закончил университет. И отличное знание языков, а также мой врождённый недостаток, превращённый в достоинство, сделали своё дело.

Помимо иностранных языков, я знал язык тела.

И потому легко отличал ложь от истины. Я часто видел, как люди лгут друг другу в лицо. Как изворачиваются, юлят.

Но всякий раз, когда неправда «колола глаза», я вспоминал Маринку, свой четырнадцатый день рождения.

«Тетерев, это просто слова», – сказала мне она тогда.

«Видимо, в нашем мире людей так положено», – думал я и смирялся.

Тем не менее моя обострённая интуиция в распознавании не просто речи, а человеческого нутра действовала на моих работодателей магически.

Я поднимался вверх по служебной лестнице, не надрывно пыхтя и сутулясь, а посвистывая, откинув лёгкий пиджак на плечо.

* * *

Я очень много летал.

Самолётное кресло казалось мне теперь привычной домашнего.

Но я не желал с этой мыслью мириться.

Я думал о доме.

Моя тоска по постоянному пристанищу вылилась в привычку каждую свободную минутку вырезать из деревяшек разные фигурки. Мне не терпелось жить оседло, в домике с маленькой мастерской.

С хозяйкой в доме.

Её-то в поле зрения пока не наблюдалось.

Я нравился женщинам.

Но их любовь была казённой, штампованная по одной колодке.

* * *

По вечерам, ложась спать в номерах гостиниц, я отключал свой имплантат.

Хотел быть в полной тишине.

Но однажды, едва я успел проснуться и включить прибор, как раздался телефонный звонок.

«Ну, здравствуй, Тетерев», – прозвучало в трубке. Я сразу узнал Маринкин голос.

С тех пор я очень боялся пропустить её звонок, раз и навсегда избавившись от привычки оглушать себя на ночь.

Нас закружило.

Мы встречались в разных городах и странах: там, где заставляли нас её цирковые гастроли либо моя работа.

* * *

Мы гуляли по улицам Хельсинки, покупая на набережной копчёную миногу и держа её как мороженку, заодно съедали рыбину наперегонки.

В Амстердаме мы лопали сыр, нарезанный для дегустации, и, перепробовав десятка полтора, уходили, так ничего и не купив.

В Риме мы празднично шатались по музеям.

А в Барселоне ходили на футбол.

Нам было радостно и душевно вдвоём.

И моё желание не расставаться с Мариной особенно обострялось перед очередной предстоящей разлукой.

«Ещё чуть-чуть потерпи. Это мои последние гастроли», – всякий раз говорила она.

Я ей абсолютно верил.

Она не лгала.

* * *

Но позже выяснялось, что гастроли всё-таки не последние.

Марина в телефонную трубку, сбивчиво (приплетая директора цирка, мировую экономическую ситуацию и своё настроение), торопясь и волнуясь, убеждала меня ещё чуть-чуть подождать.

Я всё понимал.

Хотя моя мечта о домике на берегу океана опять и опять летела как «фанера над Парижем».

«Ничего. Мы ещё слишком молоды. Всё успеем», – говорил я скорее себе, чем Марине.

И смирялся.

Впрочем, иногда я всё-таки вновь настораживался, как будто кто-то колот меня в самое сердце.

«Как Бурылов? – сердито спрашивал я в телефонную трубку, свято помня о том, что Марина с моим школьным недругом продолжает крутить акробатические этюды.

«Жениться собирается», – равнодушно отвечала Маринка.

Я «в тряпочку» замолкал.

* * *

В тот год мне исполнилось 30.

Как и Маринке.

И те гастроли точно были последними.

Я присмотрел уже домик. С маленькой мастерской. На берегу океана.

Я сидел и ждал Мариного звонка.

Но мне позвонил Бурылов.

* * *

– Привет, Тетерев, – сказал он мне. – Как живёшь?

Я вздрогнул.

– Где Марина? – торопливо перебил его я.

– Маринка? Это она попросила меня тебе позвонить. Не жди её. Она не придет, – с лёгкой ироничной расслабленностью сообщил мне Бурылов.

– Что с ней? Она заболела? – почти кричал я в телефонную трубку.

– Ну, Тетерев... успокойся, – с усмешкой в голосе советовал Бурылов. – Её здоровье в порядке... Впрочем, ты знаешь, её сегодня тошнило. Беременный токсикоз, знаешь ли, не шутка.

– О чём ты? – не сразу понял я.

– Я говорю о том, что мы с Мариной ждём ребёнка, – хладнокровно резанул мне словами по сердцу победитель Бурылов.

– Но ты жениться хотел... Марина мне говорила... – что-то противно-невнятное промямлил я.

– Хотел. На Марине, – резко осёк меня Бурылов. – А ты крал её у меня. Много лет крал.

– Но она любила меня, – достал я «козырь из рукава». – Я это видел.

– В том-то и дело, что видел, – всё-таки снизив накал презрения в голосе, чуть тише произнёс Бурылов. – Но только когда по телефону с человеком говоришь – его не видишь... Неужто Маринку не знаешь? Пока ты с ней рядом – она тебя любит. Сама себе верит...

Чуть отдалился – она уже не твоя...

Маринка «лила тебе в уши сироп», а сама была со мной.

Рассказать, каково мне было?

Я ведь всё про вас знал.

А ты не знал ничего. Счастливым...

По телефону ты не мог уличить Маринку. В твоём распоряжении были только слова. А что такое слова? Звуки! Пустые звуки... Маринка водила тебя за нос. А ты хоть бы хны... Верил! А знаешь, почему? Потому что ты... ты... просто глухая тетеря!

* * *

«Я не верю словам», – сказал себе я.

И оглох на четыре дня, вырубив имплант под самый ноль.

Я лежал и думал о том, почему Бог дал людям возможность говорить неправду?

Почему мы не общаемся азбукой Морзе?

Что отстучал – то принял.

«А, может быть, потому, – размышлял я, – чтобы у отца и матери глухой тетери была возможность превратить своего ребёнка хотя бы в тетерева? Ведь они явно лгали мне, когда говорили, что я такой, как все».

* * *

Я повысил звук импланта.

Купил дом и золотистого ретривера. Пусть будут.

Потом приволок ствол огромного дерева, чтобы вырезать из него девушку.

Начал работу.

Вот только с лицом случилась загвоздка. Кроме Маринкиного – я ни одного женского лица толком не помнил.

А Маринкино видеть не хотел. Щенка довольно.

* * *

Однако однажды я встретил девушку Таню.
И сразу её узнал!

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью её румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива...

Лицо этой девушки вдруг вырисовалось передо мной как единственно верное. Единственно значимое.

Единственно любимое.
Я понял, что раньше был слеп.
Такое бывает?

* * *

Татьяна живёт в моём доме.
Она в нём хозяйка.
По вечерам мы подолгу сидим на диване. А золотистый ретривер вьётся у наших ног.
Я порою гляжу на молодого сильного пса и думаю: «Да, и эта страничка была в моей книге жизни. К счастью, страницы принято перелистывать».
Теперь мою книгу пишет Татьяна.
Боюсь ли я, что в ней окажутся фальшивые слова?
Ничуть.
Да, слово калечит. Но слово и лечит.
У каждого человека своя метода.
...А Александру Сергеевичу низайший мой поклон. И уваженье.

Сутки в раю Рассказ

Над райским садом взошло солнце.

Белая цапля резко повернула голову в сторону неожиданного зрелища. Внезапно прекратила важное шествие по свободной своей траектории, так и забыв вернуть на землю чинно закинутую в воздух когтистую лапу.

Стояла, смотрела, что будет.

* * *

В десятке шагов от настороженной птицы на садовой скамье полулежала женщина.

Её глаза были закрыты.

Тело, казалось, окоченело. Губы синюшным овалом вещали недоброе.

Но цапля отвела безучастный взгляд.

«Чё за тётка здесь валяется? – Наверняка мелькнула мыслишка в маленькой аккуратной головке надменной птицы. – Валяются тут все кому не лень... кошёлки всякие».

* * *

Доподлинно не известно, что на птичьем языке означает слово «кошёлка».

В действительности дело было так: на скамье полулежала полная женщина лет шестидесяти с одутловатым лицом в старомодном кримпленовом платье, заляпанном мелкими жёлтыми розочками, предательски выставляющее напоказ хозяйские венозные ноги.

* * *

В отличие от цапли, солнце, не прекращая привычного карабканья к зениту, к несчастной женщине «в отключке» проявило благосклонность.

Оно прикоснулось к Антонине тёплой рукой.

Золотой материнской ладошкой любовно пригладило взмокшие от боли «химические» волосы.

В ответ на добрый посыл Тонины руки оттаяли, а ноги потеплели.

Антонина открыла глаза.

Сердце женщины метнулось в пятки.

Оно уж не помнило пытки, не плакало, не болело. Только дрожало.

* * *

Ещё бы. Пред Тониным взором явился дворец!

Так Антонине в тот миг показалось.

Тоня сгруппировалась. Вернула онемевшее тело в более-менее выгодное положение для рассмотрения своего неожиданного окружения.

«Ну, или типа дворца», – сидела и думала Тоня, вглядываясь в витиеватую надпись над главной ажурной аркой.

– Рай-центр, – медленно вслух с недоумением в голосе прочла Антонина, – что за Рай-центр такой? А по виду дворец восточный с цветными куполами и колоннами. Камнями и стразами всё вон украшено.

* * *

Тоня огляделась по сторонам, поняла, что сидит на скамейке.

Вокруг блаженствовал сад.

Пальмы стояли в точности такие, как в телевизоре, с сухими мёртвыми стволами, а сверху – их живые зелёные метёлки цедили сквозь листья пронзительную синеву.

Чуть поодаль – размытой малиновой дымкой, на фоне пирующей зелени, аккуратно неся драгоценные головы, проплывали розовые фламинго.

* * *

– Добрый день! Простите, вы Антонина Петровна? – Тоня от неожиданности вздрогнула. Пока она разглядывала волшебных розовых птиц, к ней бесшумно приблизился человек.

Человек этот, в жёлтых шароварах и с чалмой на голове, напомнил Антонине этикетку от пачки индийского чая. Только нарисованный человек сидел на слоне, а живой – стоял перед Антониной, чем немало её удивил.

– Добрый день! Вы Антонина Петровна? – на чисто русском языке повторил свой вопрос смуглолицый «погонщик слонов».

– Да, я Антонина Петровна, – выдавила-таки слова из непослушного горла оцепеневшая Тоня.

– Деева?

– Деева.

– Тогда пожалуйста за мной, – услужливо сделал радушный жест в сторону дворца белозубый незнакомец в чалме, – добро пожаловать в Рай-центр!

– Да как так-то? Я ж не одета! – в панике заметались мысли в Тониной затуманенной голове.

– Вы прекрасно выглядите, Антонина Петровна, – как будто прочитал Тонины мысли её провожатый, – пожалуйста, пройдёмте, прошу вас.

Тоня послушно побрела по мозаичной, пролитой солнечным ливнем, сверкающей дорожке, ведущей прямо во дворец.

* * *

Антонина шагнула под своды центрального купола.

Её поклоном встретила девушка. Босая, в бирюзовом сверкающем сари, с орхидеями в тёмных гладких, красиво уложенных волосах.

Девушка надела на Тонину шею венок из райских цветов. Тут же перед Антониной возник поднос с ледяными пурпурными напитками в запотевших высоких стаканах.

Тоня аккуратно взяла стакан.

* * *

– А теперь я попрошу вас присесть за столик, – жестом пригласил пройти вглубь зала Антонину её проводник, – давайте я провожу вас.

«Вишь ты, будто я дама какая, – не переставала удивляться Антонина, – стул передо мной двигают. Хоть бы кто из знакомых меня сейчас видел».

Больше Тоня ни о чём не успела подумать.

Она даже не успела спросить у провожатого, кто к ней подойдёт и зачем, как тот поспешно удалился прочь.

Антонина осталась сидеть за столом одна в состоянии лёгкой растерянности.

– Ну что же, делать нечего. Подожду, – решила Тоня, – и отглотнула из стакана пурпурного напитка.

* * *

Странно, но кроме этой самой «лёгкой растерянности», никаких удручающих чувств Антонина в тот момент не испытывала.

Она не ужасалась тому, что информация о прибытии ею в столь сказочное место её головой абсолютно потеряна.

Тоню отнюдь не пугало то, что с ней сейчас происходит. Скорее, удивляло.

Тоня, затаив дыхание от внезапно свалившейся на неё атмосферы роскоши, благоговей, рассматривала всё вокруг.

* * *

Холл казался огромным, наполненный дневным светом, воздухом, запахом сада.

На прозрачных стеклянных столиках, выгнув на показ тела-лепестки, блаженствовали в томлении цветочные экзотические композиции.

Люстры, свисая с потолков, играли с солнцем многометровыми гирляндами хрусталя.

Чуть поодаль господствовал рояль.

Белый.

* * *

В холле Тоня была не одна.

Небольшими компаниями то там, то сям за столиками сидели люди. По-летнему одетые, весёлые, загорелые.

Тоня прислушалась.

До её ушей долетали обрывки фраз, сказанные на незнакомых ей языках, смех, звон коктейльных бокалов...

«Чудно всё это», – подумала Тоня и смахнула со лба «росинки» накотившего пота.

* * *

– Здравствуйте, Антонина Петровна, – мужчина примерно Тониного возраста с зачёсанными назад слегка волнистыми волосами, как и провожатый в жёлтых шароварах, появился перед Антониной внезапно.

Таких мужчин Антонина на свой незамысловатый манер называла «франтами».

Лощёный, в безупречном костюме, наверняка купленном в одном из тех магазинов, витрины которых давят на прохожих людей сверху вниз, унижая их недоступным величием своего дорогого нутра.

Однако и у «франта» имелся изъян.

Его нос показался похожим Антонине на рыхлую, в рваных рябинках картофелину.

В сочетании с «серебром» в волосах, размыто-голубым платком в нагрудном кармане и кожаными перчатками (в такую-то жару!) нос выглядел комично.

Тоня не к месту хохотнула.

Но сию же секунду одумалась, застыдилась.

* * *

– Антонина Петровна, я присяду?

– Ой, ну конечно, конечно, – бестолково заёрзала на стуле Антонина. Она даже порывалась вскочить из-за стола, чтобы как-то оказать радушие визитёру. Но тот вовремя её остановил, положив руку на Тонино плечо.

– Хотел поинтересоваться, как вам тут? – присев за столик, холодно полюбопытствовал мужчина.

– Ну как? Нормально... Красиво кругом... Я такую красоту только по телевизору видела.

– Может быть, хотите чего-нибудь выпить? Стаканчик воды?

– Так я пила уже... Меня компотом напоили.

– Может быть, всё-таки чай или кофе?

– В такую-то жару?

– Ну, хорошо... Тогда немедленно приступим к делу.

* * *

«Утяжелённые» нотки, внезапно появившиеся в голосе мужчины, мгновенно разбили вдрызг Тонино беззаботное настроение.

Антонина насторожилась, почуяв недоброе.

– Итак, – глуховатым, слегка надтреснутым голосом продолжил Тонин собеседник, – Антонина Петровна, вчера вечером вы присели на дачное крыльцо, чтобы перевести дух после тяжёлого и нервного трудового дня... Вы это помните?

– Помню.

– Отлично. Двигаемся дальше, – скупое, без эмоций продолжил визитёр, – а помните, как потом в ваш мозг... Далее, если вы позволите, я вас процитирую. Итак, говоря вашими же словами: «в ваш мозг вонзилась стальная спица». Все верно?

Мука недавних воспоминаний всей тяжестью мира легла вдруг на Тонины плечи.

– Нет... Не спица... Раскалённый шампур, – выдавила из себя Антонина. Венка в её виске застучала вдруг слишком часто.

– Допустим, Тонечка. В ваш мозг вонзился раскалённый шампур... Вы хорошо это помните?

– Да-да. Очень хорошо это помню, – выпалила Антонина раздражённо: дробь у виска продолжалась. – Разве такое забудешь?

– Это insult. Ваш «раскалённый шампур» – это боль. С вами случился insult.

– Insult значит... всё ж таки торкнул.

– Торкнул, Антонина Петровна. Всё-таки торкнул... Ну а потом? Что было потом? Вы помните?

– Потом? Нет... Что было потом, я не помню.

– Потом вы умерли, Тоня.

* * *

– Так что ж, я мёртвая, что ли? – Антонина сидела теперь совсем жалкая, бледная, тёмный овал замещал её рот. – Чё, хоронить теперь меня надо?

– Не совсем, – мягко, словно лавируя между вопросов «лоб в лоб», уходил от прямых ответов мужчина, – вы как бы умерли, но не совсем.

Правильнее будет сказать, что вы находитесь в состоянии клинической смерти, – голос Тониного собеседника звучал чуть более оптимистично, как будто бы «клиническая смерть» – это так себе проблема... Дескать, есть и похлеще... Например, смерть настоящая. А «клиническая» – просто тьфу! Плюнуть да размазать. – Время в земной жизни и здесь, у нас в Рай-центре, величины отнюдь не равнозначные. Клиническую смерть испытал не один человек. Таковых множество. И смерть этих людей длилась чуть больше минуты. Иначе возвращение в земную обычную жизнь стало бы для них невозможно. Это происходит вследствие биологического устройства человечества...

Тонин собеседник выдержал паузу.

– Вам, Тонечка, кажется, что прошла уйма времени после того, как так называемый «шампур» пронзил ваш мозг. Но вы заблуждаетесь. Согласно привычным вам земным меркам, не прошло ещё и сотой доли секунды.

* * *

Антонина после известия о собственной смерти, казалось, и впрямь замерла на время: сидела немая и неподвижная, как статуя, обречённая демонстрировать горе.

Привыкала к подлинному своему состоянию.

Но когда мысль о смерти, подобно чужой чёрной птице, более-менее «угнездилась» в Антонином забком сознания, до Тони наконец дошла суть дела.

Она в беде!

– Дак что ж ты меня терзаешь? Неужто в тебе совсем жалости нет? – в голос взревела она, в запале напрочь забывшая о вежливости, без приглашения перешедшая на «ты». – Говори давай: где я?!

– Тонечка, ты застряла между мирами. Ты уже не жива. Но пока не мертва, — так же поправ церемонией вежливого обращения, сухо, по-деловому, пояснил ситуацию Тонин собеседник, – теперь нужно решить, куда тебя дальше двигать.

«Туда?» – мужчина, вопросительно глядя на Тонию, поднял вверх указательный палец.

«Или обратно?» – теперь указательный палец опустился вниз.

* * *

– Миленький мой, да конечно же обратно! – Тоня отпихнула стул и, прям-таки напролом мощными ручищами двинув изящный столик, отделяющий её от объекта устремления, ринулась к собеседнику, грохнулась перед ним на колени.

Стул, мощно отброшенный Антониной, противно заскрежетал стальными ножками о мраморный пол.

Режущий ухо отвратительный звук, сдобренный воплями растерянной Тони, да и сама зрительная картина – не вполне вписывающаяся в атмосферу дворцового холла, конечно, привлекли внимание зевак.

* * *

Люди зашушукались.

Бармен уже бежал к Антонине со стаканом воды в руке.

– Миленький мой! – продолжала вопить Тоня. – Конечно же, обратно! Я домой хочу! У меня дочка там. Хоть и взрослая она, но без меня ей плохо будет. Ради дочки пусти домой!

– Антонина Петровна, придите в себя, – седовласый Тонин собеседник с побагровевшим от напряжения лицом со всех сил пытался влощить Тонино громоздкое тело на прежнее место. Наконец, ему удалось это сделать.

– Пожалуйста, не спешите. Давайте всё обсудим, – примирительно настаивал мужчина, – а то, как говорится у вас, в вашем земном мире, «поспешись – людей насмешишь»... Поглядите-ка вокруг, на нас же люди смотрят! Что они о нас с вами подумают? Что скажут?

* * *

Удивительно, но мысль о том, «что люди скажут», мгновенно отрезвила Антонину.

Не прошло и минуты, как она уже в достойной позе восседала на стуле, на её лице уже не было ни слез, ни соплей.

Разве что химическая завивка, поутру не обласканная хозяйской массажной расчёской, да распухшее от рыданий лицо выдавали треволнения Антонины.

– Итак, уважаемая Антонина, разрешите представиться, – Тонин собеседник выдержал паузу.

Видимо, для того, чтобы Тоня успела сосредоточиться.

Антонина уже держала себя в руках и с нетерпением ждала, что скажет неожиданно-негаданный её знакомый.

– Министр греховных дел. Прошу любить и жаловать, – отрекомендовал себя он.

– Чё? Чё?

Тоня, несмотря на патовую ситуацию, не сдержалась, хохотнула, тряхнув телом, обтянутым чёрным кримпленом в жёлтых розочках.

– Чё за Министр греховных дел?

– Вот именно, Министр. А если быть более точным, Министр греховных дел.

– А звать-то тебя как? Министр?

– Так и зовите.

– Имя, что ли, такое?

– Считаю, что и должность, и имя. Коротко и ясно.

* * *

– Я б на вашем месте, Антонина Петровна, на другом сосредоточился, — на столике перед Министром неведомо откуда, как показалось Антонине, вдруг очутилась книжица, сильно напоминающая историю болезни, такими забиты стеллажи в государственных поликлиниках.

Книжица эта, по-видимому, много лет назад сделанная регистраторшей из дешёвого блокнота, как и положено «Истории», была распухшей от вклеенных внутрь неё в разное время и разными людьми каких-то уже порой пожелтевших бумажных листов.

На обложке значилось имя: Деева Антонина Петровна.

* * *

Министр аккуратно достал из внутреннего кармана пиджака очки в позолоченной оправе, усадил их на нос. Не снимая перчаток, не скрывая брезгливого выражения лица, принялся перелистывать страницы.

– Так вот, милая Антонина Петровна. Повторюсь ещё раз, обратите внимание на занимаемую мною должность. Я – Министр греховных дел, – в такт произносимых слов Тонин собеседник легонечко похлопывал ладонью по лежащей перед ним «Истории», видимо для того, чтобы придать словам увесистость.

– И что? Неужто уж грехам моим подсчёт ведёшь? – Тоня кивнула на книжицу.

– Так работа у меня такая. Грехи считать, – подтвердил Антонинину догадку Министр греховных дел.

– Ой-ё! Я смотрю, чё-то много ты насчитал. Книжка-то сильно пухлая. Не сбился ли в подсчётах?

– Я никогда не ошибаюсь.

– Ну-ну... Это что ж, у меня одной такая обширная коллекция собралась? У других-то, небось, побольше будет.

– Это с кем сравнить. Но уверяю вас, ваша, как вы выразились, «коллекция» отнюдь не маленькая.

Я бы назвал её обширнее средней.

* * *

– Да чё ты городишь? – вспыхнула Антонина, снова напрочь забывшая о вежливости. – Я, как другие-то, не грешила: не обокрала никого, не убила! Как другие дамочки, прости Господи, по абортam не бегала. Не блудила... Ты чё там понаписал себе такого?! Я на себя чужие грехи весить не собираюсь... А ну, открывай книжку, показывай!

– А я и покажу, когда надо будет. Потерпите немножко, – спокойным ровным голосом старался усмирить Тонину прыть Министр.

* * *

– Я обратно хочу! К дочери, к Лариске! – вспыхнула Антонина.

– Так. Начинаем ходить по кругу. Про Лариску я уже сегодня слышал... Антонина Петровна, давайте-ка отдохните пока. Освойтесь. Вам передышка нужна.

– Ой, не знаю. Не до отдыха мне теперь.

– Ничего. Поспите, с мыслями соберётесь. Как говорится, утро вечера мудреней... Ровно сутки вы побудете здесь, в Рай-центре.

Заслышав такую новость, Тоня опять потеряла с огромным трудом мало-мальски настроенное своё душевное состояние. Слезы уж накатили ей на глаза, ожидая лишь звукового Тониного сигнала в виде ревущего вопля.

* * *

Но всё-таки Министр сигнал опередил.

– Рай-центр – это отель, – пояснил он, – ну, разве что получше других. Про такие говорят: «не для простых смертных»... Но это так, фигура речи.

На самом деле, здесь находятся самые что ни на есть простые смертные люди. Вы пока поживёте здесь. Вообще, считайте, что это вам бонус. Вы же всегда, как я знаю, в санаторий мечтали съездить. Ну вот. Как говорится, получите, распишитесь. Номер отдельный у вас будет. Пользуйтесь всем, чем только пожелаете: ресторанами, спа-салонами, всеми банями-саунами, вечером концерт – волшебство! Обязательно сходите, послушайте.

– Схожу. Куда денусь? – сдалась-таки Тоня.

– И вот ещё что, – Министр выдержал паузу. Тоня уже поняла, что он так делал всегда, когда хотел сказать что-то важное, – простите, Антонина Петровна, я обязан вам доложить, что с этой секунды ваши мысли становятся прозрачными для меня. Другими словами, я буду видеть и понимать всё, о чём вы думаете. Вам это ясно?

– Ясно, – пожала плечами Тоня. – Только чего такого интересного вы там увидеть хотите? У меня в голове пусто... Только Лариска там.

– Я на Лариску посмотрю.

– Смотрите... если хотите.

* * *

– Но это ещё не все, – Министр въедливыми синенькими глазками впился в глаза Антонины, – ты, Антонина Петровна, тоже сможешь мысли читать.

– Чьи? Твои?

– Нет. Мои читать запрещено. Они секретны, – небрежно вытянув откуда-то из-под стола кожаный «дипломат», Министр уложил в него Тонину «историю» и, щёлкнув замками, добавил: – Но вы сможете прочитать мысли любого другого человека. Абсолютно любого... Так положено. Для чистоты эксперимента... Так что не стесняйтесь, читайте. Такое предложение – уникально. Пользуйтесь!

* * *

Утром Тоня проснулась в «Раю».

Открыла глаза, вспомнила всё то, что случилось с ней накануне. В болящей груди, как в гнезде со змеёнышами, копошилась тревога.

Пугала неизвестность.

* * *

Тоня осмотрелась.

Комнатка, ключи от которой она вчера получила от Министра, оказалась крохотной, но очень уютной.

Оттенки любимого Тониного зелёного цвета присутствовали в различных интерпретациях, делая новое жилище приветливым и дружелюбным.

Кровать, удобное кресло, одёжный шкаф да комодик с торшером – вот, впрочем, и вся обстановка.

* * *

Антонина спустила ноги с кровати.

Ей захотелось увидеть солнце.

Тоня встала, одёрнула с витражного окна тяжёлую портерную ткань, дав утреннему потоку света воздуха и свежести мощной лавиной хлынуть в помещение.

Затем, распахнув стеклянную дверь, Тоня выплыла на лужайку.

Все её чувства в мгновение ока вдруг поменяли тональность. Измором берущая боль перестыла вдруг нить, пугать и плакаться.

Грудь задышала спокойно.

«Сердечные» змеи издохли и сгнули в никуда.

* * *

Небо в это утро было голубым-голубым.

Между пальм, важно поджимая ноги, гуляли цапли.

Немолодой темнокожий садовник заметил новую гостью отеля, вселившуюся недавно, и, приложив руку к сердцу, уважительно склонил в полупоклоне кудлатую голову.

И тут Тоня вспомнила: она умеет читать мысли!

Ей захотелось выведать тайны садовника, хоть это был случайно попавшийся ей человек.

* * *

Тоне даже не пришлось напрягаться.

Процесс подключения её сознания к сознанию садовника произошёл как будто автоматически.

Как только Тоня о нём подумала, тотчас её мозговые антенки зашевелились тревожно, видимо, искали что-то нужное.

Тоня даже услышала звук, похожий на дребезжащее шипение её старого настольного транзистора, когда красная полоска-отметина на его прозрачном экране плутала между городами маяками вещания.

* * *

И вот плутающий звук растворился во Вселенной.

Стало тихо.

В Тониной голове началось кино.

С садовником в главной роли.

* * *

Темнокожему стареющему работяге-садовнику страстно нравились «прозрачные» крохотные белые женщины.

Весом с ребёнка.

А все потому, что когда-то давно, лет двадцать назад, служа при этом же отеле, он случайно поднял с земли цветную открытку.

Картинка служила закладкой в книге у одной очень важной русской чиновницы.

Но важной чиновница была лишь в своём кабинете. А здесь, в отеле, раздетая до купальника, она была близорукой, некрасиво очкастой, тучной туристкой лет пятидесяти.

Туристка читала книгу, лёжа на шезлонге, в огороженном кустарниковой зарослью лужайке, рядом с отельным номером, и попивала креплённые напитки.

* * *

Садовник стриг кусты совсем рядом.

Чиновница за ним наблюдала.

Посмотрев несколько минут в раскрытый книжный томик, туристка, видимо, притомила. Небрежно швырнула распахнутую книгу на столик подле шезлонга.

Открытка, служившая закладкой, выскользнула на лужайку.

Садовник заметил оброненную вещь, подошёл к чиновнице, поднял открытку и с вежливым поклоном протянул её женщине.

А та, под воздействием испитых креплёных коктейлей возжелавшая мужского жилистого тела, решила не отпускать так просто весьма кстати подоспевшего садовника. Начала некрасиво жеманничать.

* * *

Женщина «подшофе» ничего не придумала лучше, как поучить садовника русскому языку. Громко хохоча, она ткнула в открытку пальцем.

– Сне-гу-роч-ка, – неприлично громко выкрикивала каждый слог дама, указывая на юную хрупкую девочку в голубеньком платьице и в голубой же шапочке, держащую на ладони толстую краснобрюхую птицу.

* * *

Садовник не сразу понял, что хочет от него немолодая пьяная женщина.

Но потом до него дошло – это шутка.

А значит, нужно расслабиться и подчиниться. С него не убудет.

– А ну, повторяй: Сне-гур-ка! – не унималась та, требуя от садовника почти невозможного. Но он подчинился. Принял правила игры. Заострил слух и сподобился.

– Сни-кул-ка, – произнёс он и рассмеялся.

* * *

– Ну, молодец... А вот тебе приз! – и, приподнявшись с шезлонга, дама закинула за спину обе руки, щёлкнула застёжкой лифчика, освободив на свободу годами потрёпанные неаппетитные груди.

От неожиданности садовник зажмурился и пустился в бегство. Как был, с открыткой в руках, оставив полуголую туристку в сексуально неудовлетворённом позорном одиночестве.

* * *

Позже, наедине с самим собой, садовник часто рассматривал копеечное творение.

Девочка с открытки будила воображение.

Рожила размытые и явные желания.

С тех пор при виде кукольных женщин немолодой садовник не смел дышать. В груди, как в аду, кипело.

Невозможность получить желаемое делала садовника несчастным.

«Сейчас пройдёт», – думал садовник при виде живой какой-нибудь Снегурочки. И правда. Волна катила обратно. Постепенно принимала обличье океанского шторма.

Дышать становилось легче.

* * *

Садовник иной раз осмеливался даже шептать еле слышно: «Сни-кул-ка».

О, как он желал! Он взял бы «пушинку» в могучие руки и пошагал бы с ней по кромке моря. Далеко-далеко, на край света.

Но жизнь из садовника утекала по капле.

День за днём, день за днём.

И он уже знал: ничего не случится. «Прозрачные» белые женщины не для него. И оттого приходило осознание, что Бог непреклонен: не даст жизнь ту, что получше.

И садовник не ждал, не роптал.

Он стриг и стриг отельные розы.

* * *

«Вот старый козел! Да у тебя ж песок из жопы сыплется! А туда же, всё норовит свой „прибор“ куда получше пристроить», – гнев от просмотра «фильма» замутил Тонино сознание.

Она возненавидела садовника.

«Ишь... какой прыткий! – в жарком возмущении думала она. – Взрослая тётка ему не приглянулась. Сиськи потрёпанные ему, видите ли, не нравятся... Девочку молоденькую тоненькую ему подавай, а он, старая большая обезьяна, видите ли, будет над дитём кочевряжиться... Снегурочку возжелал. У-у-у, извращуга старый!»

* * *

Как только пыл Тониной ярости слегка поутих, она поняла, что «кину конец», она сама его выключила слишком бурными комментариями, так сказать, закидала садовничью жизнь «гнилыми помидорами».

«Не буду больше с ним здороваться», – окончательно решила Тоня, увидев, как белые одежды «старого извращуги» мелькнули за деревьями.

Тоня поспешила в укрытие, в свою скромную отельную комнатку.

Однако, оказавшись наедине с самой собой, Тоня сразу с головой нырнула в тёмный омут своих мучительных переживаний.

Она не боялась ада.

Она не хотела в рай.

Тоня хотела вернуться домой.

* * *

Тоне нужно было успокоиться.

Она под села к комоду, снабжённому полукруглым зеркалом, взгляделась в своё лицо.

Её облик оставался таким, каким он был при жизни. Как будто нет никакой клинической смерти, как будто она и впрямь отдыхает в отеле.

Не о таком ли отдыхе она всю жизнь мечтала?

«А раз так, чего бы мне в ресторан-то не сходить? – подумала Тоня, взглянув на настенные часы. – Всё равно от меня ничего уже не зависит. Жизнь прожила как могла. У Министра в „Истории“ всё про меня давно прописано... А что написано пером, не вырубишь топором. Делать нечего. Надо ждать. Министр сам решит, куда меня отправить: обратно домой, в рай или в ад... Так что пойду, поем, вдруг в последний раз за столом посидеть придётся».

* * *

Тоне захотелось почувствовать себя легко, беззаботно, как в лучшие минуты своей жизни.

Ей хотелось хотя бы сутки прожить, как те люди, которые сидели вчера в холле, смеялись, пили напитки, дышали воздухом океана.

В ресторане Тоня никогда не была.

И это обстоятельство привело её в некоторое замешательство. Вопрос что надеть, очень тревожил её. Антонина в полной растерянности подошла к шкафу, чисто механически легонько толкнула створку купе.

Каково же было её удивление, когда она увидела, что там безупречно отутюженный, чуть пахнувший стиральным средством, висел её любимый светлый льняной костюм!

«Вот те фокус-покус! – всплеснула она руками, завидев костюм. – Ну, Министр! Во, даёт!»

* * *

Взбив химию на голове лежащей на комодке привычной массажкой, Тоня вышла из своего белокаменного домика и свернула к центральной аллее.

По алее шли люди.

По-пляжному одетые, в шорты да сарафаны: с голыми загорелыми плечами.

Кое-кто из прохожих бросал на Тоню полуравнодушные взгляды, из чего она сделала вывод, что люди её замечают, оценивают и воспринимают, несмотря на её клиническую смерть.

* * *

Для пущей убедительности Тоня направилась в сторону умиляющей взор престарелой парочки, держащей друг друга за ручки.

– А где здесь столовая? – подойдя поближе, спросила Антонина.

Однако старушка и старичок лишь недоумённо подняли на Тоню как у близнецов похожие выцветшие голубенькие глазки.

– Ой, извините! – встрепелась Тоня. – Я хотела спросить, где находится ресторан?

Но в ответ бабуля лишь что-то закурлыкала на непонятном Тоне языке.

– Ресторан прямо, – по-русски крикнул Тоне проходящий мимо спортивный парень, – идите прямо!

Тоня так и сделала.

* * *

Тоня стояла посреди ресторана.

Растерянная. Вздонованная.

Долго наблюдала за людьми, пока наконец не сообразила, нужно взять тарелку и положить еду самой.

Но что взять? Столы ломились от снеди.

Брюхатые арбузы, виртуозно превращённые острием ножа в изящные бутоны алых роз, наслаждаясь неожиданным собственным великолепием, надменно поглядывали на проходящих мимо людей с высоты фруктовых гор.

Тёмные грозди винограда утомлённо свешивали витиеватые плети через края гигантских серебряных ваз.

Целый полк шоколадных, как для парада вышколенных солдат был рад завоевать симпатию разгорячённых выбором людей.

Но Антонина прошла мимо.

Королевские креветки, мидии, лениво приоткрывшие створки, какие-то моллюски, вовсе неаппетитные на вид, кальмары, пучеглазые розовые рыбины... – все то, что хотела Тоня попробовать при жизни, сегодня её не соблазняло, ценность этих продуктов сильно померкла в её мечтательном списке.

Вроде всё даром.

Протяни руку – и чашка с черепаховым супом будет твоей.

Но Тоня деликатесов не желала.

Картошечка, порезанная на дольки и запечённая в сливочном соусе, пара тефтелек и ломоть батона размером с лапоть – вот то, чем решила позавтракать Антонина.

Официант, отодвинув тяжёлый стул, помог ей присесть за элегантно сервированный стол.

– Шампанского? – на чистом русском спросил он.

– А, была не была! – вспомнив о том, что час утренний, а по утрам ломовым коньягам вроде неё пить вроде как не положено, махнула рукой Тоня. – Лей шампанское!

* * *

Бокал искрящегося напитка вскружил Тоне голову, развязал язык.

Ей очень хотелось с кем-нибудь поболтать.

Но русской речи вокруг не было слышно.

За столиком Тоня сидела одна.

– Что ж это за Рай-то такой? – повернув голову в сторону официанта, горько вздохнула Тоня. – Словечком перекинуться не с кем... Может, ты со мной поболтаешь?

– Мне не положено, – вышколенно отрезал тот и шагнул в сторону, подальше от разговорчивой подвыпившей женщины.

– И с этими не поговоришь... Сидят, вилочками ковыряются! – сердито оглядывая толпу жующих людей, громко вслух умозаключила Антонина. – Интеллигенция иностранная! Сидят, вежливо каркают... брюхо элегантно наполняют... У-у-у, толстопузы чванливые!

Тут официант подошёл к подвыпившей Тоне и, склонившись над ней, что-то шепнул.

Та, со всей дури шваркнув ножками стула о мраморный пол, встала из-за стола.

И с грацией обиженной королевы выплыла из ресторана.

* * *

После завтрака Тоня отправилась к океану.

Брызг бирюзовых волн слепил Антонину. Шёпот моря пьянил и склонял к дневной дрёме.

«Хорошо бы пойти на массаж, – лёжа на шезлонге, думала Тоня. – А что? Возьму и пойду».

Тоня держала путь согласно стрелочкам, которые указывали ей дорогу в спа-центр.

На протяжении всего пути Антонина приостанавливалась перед глянцевыми картинками с безупречно-красивыми девушками.

Те бесстыдно извивали тело, расхваливая тем самым несомненный эффект от ароматерапии, пилингов, обёртываний и всяких других непонятных для Антонины процедур.

«Обёртывание. Это чё?.. – чуть приуныв от осознания собственного несовершенства, по сравнению с идеально нарисованными красотками, соображала Тоня. – Да чтоб меня обернуть, никакой обёртывалки не хватит».

* * *

Хотя спа-центр уже гостеприимно распахнул перед Антониной стеклянные двери, она, потеряв уверенность, готова была пойти на попятную.

Таким он был пугающе роскошным.

А она – нет.

Как вдруг! Навстречу Тоне пулей вылетела маленькая собачонка.

Белая кудрявая болонка с розовым бантиком на макушке отчего-то недружелюбно оскалилась на Антонину. А Тоня при виде собаки чуть не присела.

* * *

– Снежанка! Снежаночка! Господи, помилуй! – Тоня левую руку вжала в истерично заклокотавшее сердце, а правую протянула к собачонке, зашедшейся в недружелюбном визгливом лае. – Снежанка! Ты как здесь? Хозяйка твоя где?

У Тони не было сомнений: собака принадлежит её соседке по квартирному подъезду в её родном городе, Виолетте.

Антонина Виолу недолюбливала.

Сказать точнее: Антонина Виолетте завидовала.

Когда Тонина дочка была ещё старшекласницей, Виолетта была для неё прям кумиром, чем мать не на шутку бесила.

Антонина понимала, что до кумира собственного дитя она по многим параметрам не дотягивает, и чувствовала злость, зависть, обиду.

А Виола, яркая дородная тридцатилетняя женщина, вовсе не спешила обзаводиться домашним хозяйством и детьми.

Про таких, как Виола, говорят: «Любовников меняет как перчатки»...

Назойливых вопящих деток Виоле заменяла милая болонка Снежана.

* * *

Однажды поздним вечером Тоня спешила с работы.

Ручки тяжёлой авоськи с картошкой впились в ладонь, соринка, попавшая в глаз ещё днём, доводила до иступления.

У дома гуляла Виола.

Надушенная. В крупных кольцах волос цвета водной лилии.

Чёрный длинный плащ стройнил слегка рыхловатое тело соседки, широкий пояс с крупной пряжкой указывал талию.

* * *

Снежана с алым бантиком на макушке трусила рядом.

Тоня Деева позавидовала Виоле. Её роскошному виду, её беззаботности, бездетности и незамужности.

А потому изловчилась и как бы невзначай незаметно пихнула уродливым тупфлем прямо под хвост изнеженной шавке.

Та взвизгнула, как ошпаренная, согласно инстинкту смачно сомкнула зубы на Тониной ляжке.

* * *

Однако ж, что «пулять в слона дробиной»?

Здоровье женщины не пострадало. Зато кошелёк попал под угрозу опустошения: дешёвые «капронки» пошли в стрелку.

Виола, не догадываясь о пинке в зад и искренне каясь в поступке Снежаны, в тот же вечер возместила ущерб.

С лихвой.

Взволнованная, в шёлковом розовом халате с золотыми бабочками, Виола наведлась к Тоне, вывалила перед ней пять пар «телесных» колготок.

* * *

Утром, натягивая капронки на кулак для лучшего рассмотрения цвета, Лариса Деева мгновенно решила.

– Мам, я в медицинское поступать буду, – сообщила матери Лариска, припрятывая в свой шкаф три пары получше, – ты как?

– А что? Нормально, – согласилась Тоня. – Мужу массаж станешь делать, детям сопلي «сушить».

...Виола трудилась в санатории. В кабинете физиопроцедур. Прилаживала магниты, электроды и ингаляторы к бранным питанным чиновничьим телам.

* * *

– Снежана! Ты куда? Давай ко мне! – навстречу Тоне выпорхнула Виола. Цветущая, волшебной пахнущая маслами, розовощёкая, в коротеньком белом халате.

– Антонина? – вытаращив изумлённые глаза, остолбенела Виола, напрочь позабыв о сбегавшей собаке. – Не ожидала вас здесь увидеть. Какими судьбами?

– Ой, а Снежанка-то вернётся? – не зная, что ответить, замялась Антонина. – Метнулась мимо меня, как пуля!

– Да вернётся. Куда ей деться?.. – безразлично глянула вслед своей избалованной шавке в крайней степени изумлённая Виола. – Вон она, уже обратно несётся... Так вы, Тонечка, здесь отдыхаете?

– Отдыхаю, – совсем неуверенно проговорила Тоня, – а вы, Виолетта, тоже на отдыхе?

– Что вы! – Виола взяла на руки подбежавшую всклокоченную болонку. Поправила ей бантик. Снежана совсем не по-доброму взглянула на Антонину, оскалилась, зарычала. – Я не отдыхаю. Я здесь работаю. Массажисткой.

* * *

– Вы, Тонечка, кстати, не хотите сделать массажик? – предложила Тоне Виола. – У меня сейчас «окно», могу вас принять. Заодно поболтаем...

– Ох... поболтать очень даже охота, – призналась Тоня, – хожу одна. Как зомби.

– Вот и хорошо... наговоримся вдосталь... С ума сойти... – томно колыхнув «богатой» грудью, Виола указала рукой Антонине путь в мир массажного блаженства. – В России в «хрущёвках» жили. А встретились в суперотеле в лучшем месте земного шарика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.